

Елена Баранчикова
Полночное

СОЛНЦЕ

Елена Баранчикова

Полночное солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448611

ISBN 9785005063915

Аннотация

В пьесах автор расставляет героев, как фигуры в шахматах, дальше они уже начинают жить своей жизнью. Хаос и безумие крушат всё вокруг, ломают нравственные преграды. Герои становятся жертвами стихии, физической метаморфозы, взрывающей обыденную жизнь. Пьесы – притчи и метаморфозы – истории любви, вечного бунта и нескончаемых физических страданий. Особое место занимает историческая тема взаимопроникновения Востока и Запада.

Содержание

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ	6
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ	16
Призрак Фриды	16
Уйти с мамонтом	67
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Полночное солнце

Елена Баранчикова

Фотограф Родион Петров

Редактор Анастасия Соловьева

Корректор Инна Тимофеева

© Елена Баранчикова, 2019

© Родион Петров, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-6391-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Баранчикова

ПОЛНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Пьесы, рассказы, новеллы, эссе

В своих пьесах драматург Елена Баранчикова расставляет героев как фигуры в шахматах, дальше они уже сами делают свои шаги, начинают жить своей жизнью. Хаос, безумие, помрачение разума крушат всё вокруг, ломают нравственные преграды. Герои часто становятся жертвами стихии, которая бушует внутри них, оказываясь на грани физической мета-

морфозы, которая взрывает обыденную жизнь. Проходя через боль и страдание, они приходят к нравственному искуплению, очищению.

Пьесы – притчи и метаморфозы – истории любви, вечного бунта и нескончаемых физических страданий: «Уйти с мамонтом», «Наводнение», «Призрак Фриды», «Меч Аттилы», «Облако Чингисхана», «Первая любовь», «РЭПетиция одиночества», «Ночное солнце».

Особое место занимает историческая тема взаимопроникновения Востока и Запада. Наряду с драматургическими произведениями («Вторая жизнь») в разделе «Жажда» представлен цикл рассказов, новелл и эссе.

Пьеса «Наводнение», удостоенная Приза Международного конкурса драматургов «Свободный театр», в 2019 году поставлена в Пермском театре «У Моста», реж. Овлякули Ходжакули, Лондон, «Облако Чингисхана» нашло сценическое воплощение в Академическом башкирском театре им. М. Гафури, реж. Мусалим Кульбаев, Уфа.

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

Театральный мост Ростов – Лондон – Пермь... У меня возникло ощущение, что я весной прошла по мосту, который перекинут через несколько рек – Дон, Темза, Кама. Весна всегда ассоциируется с водной стихией, она в нас самих. История театральной постановки «Наводнение» в Пермском театре «У Моста» началась в Ростове, иначе «наводнения» на Каме не состоялось бы.

Мосты – не простое совпадение, пьесу «Наводнение» опубликовал журнал «Петровский мост», послала её на Международный конкурс современной драматургии «Свободный театр» и получила приз. Дальше тройка сама понесла, всё закрутилось и поехало, и покатило. Пьесу поставил человек мира, талантливый режиссёр и трагический сюрреалист Овлякули Ходжакули, который специально для постановки прилетал в Пермь из Лондона, он ученик Г. Товстоногова и М. Туманишвили и самого Питера Брука.

Счастлива, что познакомилась с Сергеем Федотовым, художественным руководителем необычного и такого притягательного театра «У Моста», с Овлякули Ходжакули, с которым нас связывает уже не одна постановка, а также желание порадовать зрителя, это международные проекты, ведь язык театра – международный.

Вспоминается Питер Брук, мастер-классы которого про-

ходил режиссёр. Процесс создания он когда-то сравнивал с заваркой чая, говоря о том, что должна быть вода, заварка и жар, всё это в спектакле должно взаимодействовать, тогда чай получается крепким и настоявшимся. Как же хочется порой выпить настоящего терпкого чая!

Смотрю спектакль, переживая как обычный зритель, перед глазами финальная сцена – абсурдистский танец героини, который рассказывает о её смерти, и белая колышущаяся дорога к небесам, по которой она уводит за собой покаявшуюся душу. Режиссёр, актеры смогли вынуть у зрителя душу. Надпись под картиной «Мост на Каме», которую сделал в один из премьерных дней пришедший на спектакль пермский художник, подтверждает это: «Вы вынули душу».

Со студенческих лет писала рассказы, печаталась в литературных журналах и сборниках. Сначала то, что писала, было частью действительности, которая меня окружала. В своём первом рассказе «Домой» описывала дорогу к Успенской Зинаиде Николаевне, моей бабушке, которая жила в городке Дмитровск Орловской области. О нём тогда хорошо отозвался писатель Анатолий Калинин, его напечатали в журнале «Дон» и в сборнике, выпущенном Ростовском книжным издательством. Потом там же появился рассказ «Чистые столы» – о дне поминовения, когда на могилах на кладбище поминают усопших. Значительно позже стала писать пьесы и тоже публиковать их.

«Наводнение» – моя первая пьеса, я очертила её жанр как

метаморфозы. Позже появились «Призрак Фриды», «Меч Аттилы», «Облако Чингисхана», «Первая любовь», «Репетиция одиночества», «Уйти с мамонтом», «Ночное солнце».

...Наводнение, хаос, безумие, помрачение разума крушат всё вокруг, ломают нравственные преграды. Герои оказываются на грани физической метаморфозы, которая взрывает обыденную жизнь, выливается в катаклизмы. Героями овладевают бесы, искушение, на поверхность всплывает плотское и похотливое. Они идут на поводу у зла, которое поначалу побеждает, однако в финале происходит искупление. Все могут оказаться жертвами стихии, она бушует внутри нас, с каждым может случиться душевное наводнение, когда в человеке рождается зверь, упаси нас Бог от такого!

Подвижник Исаак Сирин сказал: «Никогда не называй Бога справедливым. Если бы Он был справедлив, ты давно был бы в аду. Полагайся только на Его несправедливость, в которой – милосердие, любовь и прощение». Бог милостив к падшим, он не оставляет человека, даже когда тот совершил страшный грех, протягивает руку тем, кто оказался над пропастью. Вспоминается библейское: «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако...». Милость без причин, заслуг, цены и платы, Бог может восстановить падшего, прощает, если человек искренне раскается в своём грехе, всегда есть надежда сделать шаг, прийти к нему в отчаянии.

Греховность как червоточина овладела героиней, она идёт

до конца, убивает Ганьку, чтобы потом воскресить её в качестве своей дочери. Ганька как будто рождается заново и вновь умирает, уводя за собой Софью в мир небытия. Белая колышущаяся дорога на небеса напоминает, что всех нас ждёт этот путь.

До сих пор нахожусь под магнетизмом спектакля, до-рисовываю мысленно новые картины, хочется написать об этом же другую пьесу. Обезумевшая, страдающая героиня в полутьме с фонарём в руке прислушивается к шорохам и звукам, к собственному голосу... Не бес ли где-то рядом, не он ли забился в угол и выжидает? Софья сама с собой разговаривает и чего-то ждёт от себя самой. Подходит к зеркалу, не узнавая своё изображение: «Ты?» И слышит из-за спины ответ-эхо: «Ты!». Ощущаю чьё-то присутствие. Не Вий ли это подкрадывается к ней? Не он ли вынимает у неё душу, ведь кто-то же вынул её? После этого она совершает грехопадение.

Неслучайно, в пьесе многое связано с беременностью и родами. В приступе родовой горячки Софья осознается в содеянном, в том, что убила соперницу. Она через боль и страдание приходит к нравственному искуплению, покаянию, рождается заново. Это по Достоевскому, с его героями происходит нечто подобное, хотелось показать это.

Меня привлёк образ Чингисхана, когда читала повесть Айтматова «Белое облако Чингисхана», эту трагическую историю любви. Сделав допуск на то, что всякое бывает, стала

изучать исследования о Чингисхане, решила написать пьесу об этой противоречивой личности, окутанной ореолом загадок и тайн. Могилу правителя ищут до сих пор, как будто, она уже найдена, об этом отчасти рассказ «Пророчество шамана», опубликованный в Казани в журнале «Идель».

Появился образ неба-Тенгри, ведь тенгрианства Чингисхан придерживался вплоть до самой кончины. Среди его белой конницы был один конь, не знавший седла молочно-белый жеребец с чёрными глазами, который шел в бой без седока. В него вселился дух войны Сульде, что общался с шаманами. Так в пьесе появился шаман, потом сам Чингисхан, его брат по крови Джамуха, императрица, герои заговорили, началось движение. Пьесу поставили в Уфе в Академическом башкирском театре им. М. Гафури, она о любви и войне, о том, что надо чаще смотреть в небо, там наше прошлое и наше будущее.

Пьесы – не та действительность, которая меня окружает, это мир вымышленный, в котором я присутствую поскольку-постольку, только опосредованно через своих героев. Реплики – чаще не из моего лексикона, это речь других людей, героев, в которых я стараюсь вжиться. Парадокс, но всё, что с ними происходит, со мной никогда не случилось. Это не та действительность, в которую я сама погружена, а другая, которую вижу будто со стороны. Я расставляю героев как фигуры на шахматной доске, дальше они уже сами делают свои ходы, начинают жить по-своему, не так, как если бы я ока-

залась на их месте. Не могу ответить на вопрос: хорошо это или плохо, стараюсь не задавать его.

Я корнями прирастаю к пьесе, к героям. После того как спектакль сыгран, долго не могу отрезать пуповину, соединяющую меня с театром, с актерами. Мне долго ещё не хочется это делать, хотя спектакль сыгран, как теплоход, уже отплыл от пристани, взлетел, как птица, и надо уже помахать ему на прощание рукой. Однако время неумолимо и стремительно бежит вперёд, начинается новая пьеса...

Думаю, мой зритель – это человек, который стремится постичь тайны жизни и смерти, любви и ненависти, который живёт чувствами и равнодушен к чужой боли. У меня есть такая формула – истинное желание должно быть выстрадано, жизнь – это «страдательный залог». Английскому критику Сэмюэлю Джонсону принадлежит высказывание: «Я буду стремиться увидеть страдания мира, ибо зрелище это совершенно необходимо для счастья». Говорю о страдании и одновременно хочу оградить человека от мук, которые он испытывает, но знаю – это невозможно. «Страдания, неразлучные с любовью, бесчисленны, как раковины на морском берегу». Это Овидий.

Невозможно оградить человека от переживаний, он часто взбирается на самую вершину своих страданий, с неё бывает очень трудно спуститься, просто невозможно и тогда человек живёт тем, что его влечёт, захлёстывает, переполняет, оказывается на пике эмоций, на грани.

Однако человек по своей натуре сильный, обладает мужеством бороться, когда есть возможность победить, терпением, чтобы принимать то, что не в силах преодолеть, и умом, чтобы отличать одно от другого.

В Мексике Фриду называют героиней боли – *la heroína del dolor*. Как же хочется оградить её от страдания и мук, которые она испытала, но знаю, что это невозможно. Невозможно оградить Фриду от страданий, они внутри неё, ведь вся её жизнь – страдание, она живёт им, оно захлёстывает её и переполняет. Посмотрите... это Фрида-мученица.

«Призрак Фриды» – это пьеса о человеческой боли. «Фрида – это лента, обернутая вокруг бомбы», – так основоположник сюрреализма Андре Бретон охарактеризовал жизнь Фриды Кало. Её картины – смесь мексиканских мотивов и наивного искусства в духе французских модернистов, а в их основе – история любви и страдания, страсти и непонимания, которые всю жизнь сопровождали Фриду. Из этого сплава появился образ, который прошёл через весь XX век и стал вызовом.

Это очень личная история любви, вечного бунта и нескончаемых физических страданий. Знакомство Фриды и Диего состоялось благодаря живописи, когда, восстановив силы и залечив свои раны после аварии, Фрида привезла на оценку маститому живописцу Ривере свои первые работы. «Эта девочка – художник от рождения, необыкновенно чуткая и способная к наблюдению», – так скажет Ривера о рабо-

тах юной Кало. Их отношения будут переполнять эмоции и страсть, всё это выплеснется в её творчестве. «Я никогда не рисую сны или кошмары. Я рисую свою собственную реальность», – так говорила сама Фрида. Её работы – окно в сюрреалистичный мир, он сначала очаровывает, а затем раскрывает глубину чувств, боль и страсть – всего, что ей пришлось перенести, что переполняло её жизнь.

Жизнь Фриды переполняют трагические случайности, её живопись автобиографична. С ней связаны такие имена, как Максимилиан Волошин (портрет работы Диего Риверы висит в доме поэта в Коктебеле), Владимир Маяковский и Лев Троцкий (кажется, с обоими у Фриды были романы). Фрида и Ривера боготворили Россию за реализованные идеи марксизма, существовала некая ментальная связь их с Россией.

Пьеса «Уйти с мамонтом» отчасти об апокалипсисе, она погружает в пещеру первобытного человека. Кроме музыканта и его супруги, которые, не смотря ни на что, пытаются сберечь любовь, в ней существует и живёт своей таинственной жизнью полуфантастический образ – подвенечное платье, оно висит на шкафу, иногда двигается и колыхается, с ним героиня разговаривает как с человеком.

Языческий бог – огонь – постоянно требует жертв, но дров уже нет. Чугунная печь превращается для героев в божество, которое жестоко и всемогуще, так как распоряжается судьбами людей. Главное для Мартина и Маши теперь – не потерять человеческое достоинство, не превратиться в зверей,

не перешагнуть черту, у которой они невольно оказались. В жестоком мире всё уходит в небытие, всё исчезает из жизни, даже вера в Бога, однако герои сберегают свою нравственность.

Мартин постоянно пребывает в состоянии предельного нервного напряжения, находится на грани, многого не договаривает, недосказанность повисает в воздухе, просачивается сквозь щели. День ангела Маши превращается в трагедию. Финал шекспировский: герой стоит перед чудовищным выбором: самому выпить яд или отдать его своей жене, чтобы тем самым освободить её страдания.

Для меня в первую очередь интересен текст, реплики, динамика развития сюжета, то, на чём он строится, но режиссура тоже притягательна. Когда-то в студенческие годы мечтала стать режиссёром, в Ленинграде встречалась с Товстоноговым, но всё же жизнь плавно вошла в русло реки Дон, и моё местожительство прочно приобрело очертания города Ростова.

Всегда возникает желание расширить ремарки, докопаться до истины, разложить всё по полочкам, пройтись по пьесе со скальпелем, убрать лишнее, то, что мешает восприятию, бесконечно долго хочется дотраивать зрительные образы. Это сравнимо с разбором «душевных» полётов, ведь театр не сводим к механике и к одному лишь интеллекту. Текст должен быть многослоен, как земная твердь, а дальше всё зависит от того, как и под каким углом входит твоя лопата

в возделываемую почву. Однако это желание приходит позже, сначала хочется погрузиться в материал с головой, нырнуть в него, как в воду, набрав в лёгкие воздуха, забыв обо всём, как неподготовленный зритель отдаться чувствам и переживаниям, сострадать...

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

Призрак Фриды

Саундрама

Действующие лица

Фрида Кало – художница

Диего Ривера – художник

Катильда – мать Фриды

Гильермо – отец Фриды

Тина Модотти – актриса и фотограф, подруга Фриды

Люсьена Блох – помощница Риверы Диего

Ногучи – скульптор-авангардист

Чавела Варгас – невица, подруга Фриды

Луле Мартин – бывшая жена Диего

Эпизодические роли

Кристина – сестра Фриды

Мальчик-натурицик

Горничная

Натурицица

Врач

Журналист

Действие первое

КАРТИНА 1

(На улицах празднование Дня усопших. На столбах – огромные Иуды из папье-маше, которых сжигают, вспоминая о предавшем Иисуса. Весёлые скелеты повсюду раскачиваются на верёвках, ведь в Мексике к смерти относятся празднично. Тут же кукольный вертеп для детей. Большой усатый мужчина в ярком комбинезоне угрожающе держит предохранитель взрывателя.)

Фрида эффектно одета, на ней ожерелье в национальном стиле из тяжёлых терракотовых бусин, символизирующее жертвоприношение. В косе, которая обвита вокруг головы, цветы из ярких лент. Её талия туго затянута, с одного плеча спадает мексиканская шаль. Подруга итальянка Тина Модотти с фотоаппаратом, она фотографирует. У обеих в руках черепа из сахара, они бредут босиком по песку).

Ф р и д а (подходя к прилавку, рассматривая игрушки). Глиняный скелет и всадник из соломы в шляпе и с патрон-ташем на ослике, бандит-революционер, наподобие мечтателя Панчо Вильи. Нищета и гордость, слабый, но элегантный, его так легко сломать.

Ну, кто в нашем крае
Челиту не знает?
Она так умна и прекрасна,
И вспыльчива так, и властна,
Что ей возражать опасно.
И утром, и ночью
Поёт и хохочет,
Веселье горит в ней, как пламя.
И шутит она над нами,
И с нею мы шутим сами.
Ай, ай, я-яй!
Что за девчонка!
На всё тотчас же същёт ответ,
Всегда смеётся звонко!

Ф р и д а. Смотри, Тина, сейчас вспыхнет (*показывает на раскачивающегося Иуду*), это наделает столько шума, разлетится на кусочки, он такой разноцветный. Люблю гримасы скелета, он превращает смерть в весёлую штуку (*перебирает ногами песок*). Песок скрипит как скелет в тёмном склепе (*смотрит себе под ноги*) сыпуч, горяч и мягок, нестерпимо жжёт ступни, видишь, мы постепенно переходим от солнечных часов – к песочным... Какой милый этот сахарный черепок и такой сладкий (*любуется сахарным черепом, который у неё в руках*), кажется, улыбается и подмигивает. Правда, очаровательный? (*начинает его поглощать*).

Т и н а. Не буду своего есть, слишком сладкий, а то ненароком поправлюсь, это тебе можно с твоей осиной тали-

ей. Смотри! (*показывает на высокого полного мужчину, который разговаривает с подругами, машет ему рукой*). Да, это пузан Диего, наверняка не одного такого уже съел и ничуть не страдает от этого, его не мучает вопрос. «Есть или не есть».

Ф р и д а (*насмешливо*). Неистовый пожиратель женщин, старый Фасто! Осторожно, Диего, Лупе идёт. А у него очень легкомысленный вид!

Т и н а. Фрида, ты, кажется, у меня о нём недавно спрашивала. Ещё с ним не знакома?

Д и е г о. Привет, итальянская дива, вижу – в ударе. Какие новости, Тина? (*шутливо приставляя руку к уху*). Вас нельзя отвлекать, вы заняты поеданием сладостей!

Т и н а (*смеясь*). Ты в своём репертуаре, весельчак и балагур, каких мало. Знакомься, это Магдалена Кармен Фриде Кало-и-Кальдерон, а это Диего Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусéно Эстанисла́о де ла Ривера и Баррьéнтос Акóста и Родригес. Придётся, как следует, выучить его имя, наверняка он скоро будет очень знаменит.

Ф р и д а (*меряя взглядом подруг Диего*). Что из того? Можно мне всё же не заучивать это длиннющее имя и обращаться запросто – Диего? Перейду к делу (*Диего*), у меня просьба. Можете ли вы посмотреть мои работы? Приходите в мастерскую (*выталила заготовленную фразу, смущена*).

Д и е г о. Да, да, конечно.

Ф р и д а (*замешкавшись*). Чао, вы тут воркуйте, не буду

мешать. Мне нужно зайти за сестрой, обещала ей показать праздник. *(Обращается к Диего)*. Надеюсь, придёте? Зачем откладывать встречу, заходите завтра утром. До свидания, жду вас с нетерпением. *(Фрида удаляется, помахав рукой одной из подружек Диего, посылая ей воздушный поцелуй)*.

Д и е г о *(раздражённо)*. Какая бесцеремонная, настырная девчонка, однако держится с достоинством и уверенностью, в глазах – огонь *(щёлкает пальцами)*. Чудный ребёнок, у этого дьяволёнка, к тому же красивая грудь. *(Фейерверк озаряет Иуду. Раздаются выстрелы, кто-то начинает пальбу. Толпа ликует и веселится, чучела загораются)*.

КАРТИНА 2

(Дом с зелёными ставнями. Патио с голубыми и красными стенами. Тени от деревьев, повсюду пальмы, тропические растения. Фонтан, в центре – пирамида с идолами доколумбийской эпохи. Вход в дом охраняют два Иуды из папье-маше. Вечереет. Фрида встречает Диего, в ушах у неё – серьги в виде крохотных клеток, куда посажены живые светлячки, которые сияют словно бриллианты).

Д и е г о. Добрый день! Зашёл из любви к искусству *(с почитанием прикладывает руку к груди)*.

Ф р и д а. Здравствуйте, очень рада. Всё ж рискнули? Риск возвышает человека, это всегда благородно.

(Фрида берёт его за руку, ведёт в комнату, где вдоль

стен расставлены её картины. Диего озирается по сторонам, с интересом разглядывая всё вокруг).

Д и е г о. Люблю этот стиль, он мне импонирует (рассматривает глиняные статуэтки, маски улыбающихся младенцев, собак, фигурки богинь плодородия, берёт в руки статуэтку и внимательно рассматривает её), как и твой наряд, кстати. Блистаешь как павлин, который распустил свой хвост. Хочется схватить тебя за яркий хвост и не отпускать (приближается к Фриде, но та уклоняется). Кстати, светлячок из серёжки выпал (пытается его найти), сейчас я его найду.

Ф р и д а (смущённо). Не стоит, давайте без всех этих буржуйских нежностей, по существу. Похоже, мои картины вас мало интересуют, но всё же хочу, чтобы вы взглянули на них как профессионал. Они вам нравятся или нет? Прошу сказать откровенно, получится ли из меня художник и стоит ли продолжать это занятие, я хотела бы этим зарабатывать себе на жизнь.

Д и е г о. Уверен, ты должна заниматься живописью, у тебя свой стиль, это приведёт тебя к успеху, к тому же, вижу, ты волевая девушка. Не возражаешь, что перешёл на «ты»?

Ф р и д а. Ничего, хотя, если честно, не в восторге от этого. Я не нуждаюсь в комплиментах, вообще-то мне не советовали полагаться на ваши слова, ведь они ничего не значат. Если вашего мнения спрашивает не уродина, вы готовы превозносить до небес. Но мне продолжать или все же подыс-

кать себе другое занятие?

Д и е г о. Тебе палец в рот не клади, того и гляди откусишь.

Ф р и д а. Этот сценарий, похоже, отрепетирован, похвала – заготовка, гарантирующая успех на любовном фронте, сознайтесь, это для вас очередная интрижка, людоед, так, кажется, вас прозвали? (*Фрида испугалась, пытаясь загладить конфуз*). Не обижаетесь, что вас так называю?

Д и е г о (*с напускной серьёзностью*). Не будем о грустном, считай, мы уже обо всём договорились (*серьёзно*), в твоих картинах – боль и настоящее, не придуманное, а пережитое.

Ф р и д а. Для многих главное – добиться успеха, стать кем-то, если честно, у меня нет амбиций, презираю тщеславие, это неинтересно быть большой шишкой.

Д и е г о (*меняя тон*). Ловлю на слове, за большую шишку стоит выпить! Прихватил с собой текилу, она расставит всё на свои места (*ловко открывает бутылку*). Пью за тебя, мой павлин (*загадочно улыбается*). Признаюсь, мои мысли и о другом тоже (*они чокаются*), думаю о многом, ты не можешь мне запретить думать (*делает нажим на последнем слове, с видом заговорщика*). Мы оба тут бессильны, этот закон (*подчёркивает последние слова*) вступает в силу помимо нашей с тобой воли и таланта.

(*Диего обнимает Фриду, пытается её поцеловать, она садится на кровать. Они приобнялись. Гаснет свет, звучат переборы испанской гитары*).

Д и е г о (*глядя её волосы*). Алый цветок кактуса, вижу,

уже раскрылся, чтобы получить пыльцу, принесённую ветром, текила на твоих губах говорит о том, чего ты хочешь. Почему же продолжаешь сопротивляться?

Ф р и д а. Знаешь, у меня в голове полно крохотных паучков и всяких мелких букашек.

(По залу струится коричневый цвет).

Цвет соуса моле – цвет увядающих листьев, земли.

(Вспыхивает жёлтый). Сумасшествие, болезнь, страх... солнце и луна. Ещё больше тайны, все призраки носят одежду этого цвета, ну, или, по крайней мере, бельё.

(Прорезается голубой). А это электричество, чистота, любовь.

(Зелёный переходит в сине-зелёный). Листва, грусть, наука, целая Германия, цвет плохих новостей и успешных дел.

(Цвет морской волны). Расстояние... нежность также может быть голубого оттенка.

(Комнату заполняет чёрный). Ничего не бывает по-настоящему чёрным, ни-че-го.

(Красный). Кровь, кто знает?

Д и е г о. Почему в твоих картинах боль?

(Фрида встаёт с кровати и подходит к окну, опирается о спинку стула. Звучит мелодия «Аранхуэс»).

Ф р и д а. Мне надо многое рассказать. Всё началось с боли в правой ноге, мою ногу мыли в тазике с ореховой водой и вытирали горячим полотенцем, но это не помогло, она так и осталась худой. «Фрида – деревянная нога!» Вначале ду-

мала, эти шутки не будут меня задевать, потом они стали меня злить, и чем дальше, тем больше. Самое страшное в моей жизни случилось после. Я потеряла зонт, мы вышли, чтобы его найти, так оказалась в автобусе, который разорвал меня в клочья около рынка Сан-Хуан. Трамвай повернул, наш автобус был зажат между ним и стеной.

Первое, о чём я подумала, – пёстрая безделушка, которую купила, я пыталась найти её. Неправда, будто люди сразу осознают, что с ними произошло, и плачут. Я не плакала, хотя обломок одной из ступенек пронзил меня, как шпага пронзает быка. Видя, что я истекаю кровью, прохожий положил меня на бильярдный стол, дальше обо мне позаботился Красный Крест.

Д и е г о. Ты не похожа ни на одну из женщин, которых я до сих пор знал.

Ф р и д а (*поворачиваясь к Диего, без смущения*). Так я потеряла невинность. У меня была повреждена почка, я не могла мочиться, хуже всего было с позвоночником. Матильда три месяца не отходила от меня. Когда сказали сестре, она упала в обморок, мать была в шоке, так и не навестила меня, отец от расстройства заболел.

Д и е г о. Хрупкость твоего тела, красота, твои блестящие глаза по-детски искренни, они меня обезоруживают (*близко придвигается к Фриде*).

Ф р и д а. Не представляешь, как было больно, когда меня поворачивали в кровати, я плакала. Впрочем, собачьему виз-

гу и женским слезам верить нельзя (*пытается улыбнуться*).
Д и е г о. Когда мне было полтора года, умер мой брат-близнец, мать от горя заболела, свои чувства я перенёс на кормилицу, индеанку. С прямой мускулистой спиной, чудно вылепленными ногами, она высоко держала голову, словно несла на ней какую-то тяжёлую ношу, её горделивая осанка напоминает твою. Для меня это идеальный тип женщины, рисую её по памяти в длинном красном платье и большом синем платке. Теперь буду рисовать вас двоих (*страстно обнимает Фриду*). Люблю тебя, мой экзотический цветок!
(*Звучит песня Чавелы Варгас «La Llorona»*).

*Начинается
Плач гитары,
Разбивается
Чаша утра
Начинается
Плач гитары,
О, не жди от неё
Молчанья,
Не проси у неё
Молчанья!
Неустанно
Гитара плачет,
Как вода по каналам – плачет,
Как ветра над снегами – плачет,
Не моли её
О молчанье!*

*Так плачет закат о рассвете,
Так плачет стрела без цели,
Так песок раскалённый плачет
О прохладной красе камелий,
Так прощается с жизнью птица
Под угрозой змеиного жала.
О гитара,
Бедная жертва
Пяти проворных кинжалов!*

*Прорытые временем лабиринты – исчезли.
Пустыня – осталась.
Немолчное сердце —
источник желаний – иссякло.
Пустыня – осталась.
Закатное марево
и поцелуи – пропали.
Пустыня – осталась.
Умолкло, заглохло,
Остыло, иссякло, исчезло.
Пустыня – осталась.*

КАРТИНА 3

(Некоторое время спустя, за окном осень, утро, кровать застелена по-другому, обстановка изменилась, балдахин откинут. Диего влюблённо смотрит на распростёртую перед ним Фриду, нежно дотрагиваясь до её лица. Кажется, их разговор не прерывался).

Д и е г о. У тебя, как у маленького мальчишки чёрненькие усики (*улыбается*), а во лбу звезда, дай её поцелую (*целует в лоб*).

Ф р и д а (*прикрывая их рукой, задумчиво*). Мне было шесть, когда я вообразила, что дружу с девочкой. Подышала на оконное стекло комнаты, выходявшей на улицу Альенде, стекло запотело, пальцем нарисовала дверь, в своём воображении я протискивалась через эту дверь, добиралась до молочной «Пинсон», входила в букву «О», спускаясь внутрь земли.

Д и е г о. Там жила твоя подруга?

Ф р и д а. Не помню, как она выглядела, но знала, что она много беззвучно смеётся и танцует, будто невесомая. Я повторяла её движения, делилась с ней своими тайнами, она знала обо мне всё, я возвращалась через ту же дверь в оконном стекле, это могло длиться секунду или тысячу лет.

Д и е г о. Ты фантазёрка, это твоя вторая натура.

Ф р и д а. Я была счастлива, стирала рукой дверь, она исчезала, со своей тайной я бежала в дальний угол патио, там под кедровым деревом плакала и смеялась, пораженная, что нахожусь одна и так ясно вижу перед собой маленькую девочку.

Д и е г о (*игриво*). Подруга такая же красивая, как и ты, познакомишь меня с ней? (*серьёзно*). Девушка с лилиями и скелет в кружевах, ты – Дух Посады, в котором соединились

гримасы смерти и воспоминание о красоте индейского народа.

Ф р и д а. Как удивительно звучит, можно даже пропеть По-сад-а-а-а...

Д и е г о. Да, он открыл мне дух страны, где жизнь и смерть едины и преподал мне урок. Ничто нельзя выразить, если не опереться на силу чувства.

Ф р и д а. Душа таланта – в силе чувства.

Д и е г о. Много домов я видел, настолько старых и жалких, они больше походили на норы, но в каждом из них были гравюры, картины или цветы, гирлянды из разноцветной бумаги, всё это походило на алтарь.

Ф р и д а. Там поклонялись религии цвета.

(Фрида гладит Диего по голове, пристально смотрит на него невидящим взглядом).

Д и е г о. Ты рассматриваешь меня как натурщика!

Ф р и д а *(экспрессивно)*. Необузданный мужчина, красочный вихрь, полный неожиданностей!

Д и е г о. Когда ты ничей, тебе принадлежит весь мир.

Ф р и д а *(зажимая рукой ему губы, не давая говорить)*. Хочу всё запомнить, всё-всё, у тебя устрашающе громадная, массивная фигура, мягкое выражение лица и маленькие беспокойные руки. От тебя исходит первобытная сила, перед твоим магнетизмом трудно устоять, хотя ты некрасив, даже уродлив.

Д и е г о. Заткнись, у тебя собачья морда! *(беседа превра-*

щается в семейную сцену).

Ф р и д а. А у тебя лицо жабы, задира, смутьян, враль, неистовый, мстительный (*затыкает ей рот рукой, она высвобождается*). Совершенно неотразимый, при редком безобразии – у тебя лицо индейского воина и телосложение японского борца.

Д и е г о (*многозначительно*). Почему не договариваешь, что ещё есть у меня? (*бросается на неё со страстными объятьями, но Фрида резко отстраняет его*). Я и мужчина, и женщина одновременно (*показывает ей свою большую грудь*).

КАРТИНА 4

(*В красно-синем доме в Койоакане приготовления к свадьбе. Семья в сборе. Отец фотографирует дочь в белом подвенечном платье с букетом лилий. Фрида прикрывает больную ногу. Младшая сестра Кристина суетится, поправляя её наряд и причёску. Заходит мать Катильда, как истовая католичка набожно крестится, с недовольством смотрит на происходящее, она не в духе*).

К а т и л ь д а (*гневно Фриде*). Твой жених напоминает толстяка с картины Брейгеля. Эта свадьба голубки со слоном, скоро он преподнесёт тебе букет своих пороков! (*Наклоняется к дочери, гладит её руку, её тон становится мягче*). Доченька, подумай о разнице в возрасте, он вдвое старше те-

бя, к тому же атеист, развратник, был дважды женат, имеет четверых детей от жены и любовницы, ещё не поздно, опомнись!

К р и с т и н а (*мечтательно*). Мама, но ведь он такой большой и талантливый!

К а т и л ь д а (*дочери*). Тебя никто не спрашивает. Что ты молчишь, гер Карло (*обращается к мужу*), или тебе всё равно?

Г и л ь е р м о. Разве не знаешь, в нашей дочери скрыт демон!

Ф р и д а (*швыряя букет, сбрасывая с себя подвенечное платье, переодеваясь в наряд индеанки*). Непременно выйду замуж за этого мачо и рожу ему сына и сделаю это сейчас, просить вашего позволения не буду, я люблю его, остальное для меня не имеет значения. (*Надевает юбку в горошек с воланами, блузку и длинную шаль, на шею вешает ожерелье. Обращается к матери с напускной почтительностью*).

К а т и л ь д а. Дура!

Ф р и д а (*гневно*). Тебе меня не отговорить (*взгляд полон любви*), Диего – моя жизнь, я срослась с этим могучим деревом корнями, нас связывает голод и желание есть друг друга (*сбрасывает с ног туфли*). Дальше пойду по песку босиком, и никто меня не остановит.

К а т и л ь д а. Посмотрите на неё, она же сбесилась!

(*Входит жених. Диего одет по-американски. на нём серый пиджак и брюки, белая рубашка, в руке – тexasская шляпа*).

Г и л ь е р м о (*отзывая Диего в сторону*). Учтите, моя дочь – больна и останется такой на всю жизнь, она умна, но красивой её не назовёшь. Подумайте хорошенько, если у вас не смотря на это пройдёт охота жениться, дам согласие.

Д и е г о (*раздумывая*). Охота не прошла, пуще неволи.

(Торжество походит на трагифарс. Подруга Фриды Чавела Варгас в красном пончо ходит с гитарой в толпе и поёт. В разгар свадьбы Гильермо встаёт со своего места).

Г и л ь е р м о. Господа, разве это не комедия?

(Все на минуту замолкают. Затем веселье и празднество продолжается. В зал врывается бывшая жена Диего – Луле Марин, она изрядно пьяна и порывается облобызать и поздравить Диего, её не подпускают к нему. Улучив момент, Луле подбегает к Фриде, задирает подол её платья и пьяно визжит на весь зал).

Л у л е. И вот на такие-то спички, Диего, ты променял мои ноги!

(Она поднимает юбку, демонстрируя ноги в подтяжках. Гости шокированы, никто не расходится. Ночь. Торжество превращается в попойку. Диего пьян, палит из револьвера, ранит одного из гостей. Фрида запирается в соседней комнате, там же оказывается и Луле Мартин. Диего тарабанит кулаками в дверь, угрожает).

Д и е г о (*всё бьёт и крушит на пути*). Выходи немедленно, я хочу тебя, иди ко мне, или я вышибу дверь!

Л у п е (*изрядно выпивши, Фриде*). Научу тебя готовить его любимые блюда, Диего завтракает обычно в мастерской, еду туда приноси в корзинке, накрытой салфеткой с надписью. «Обожаю тебя». Так делают мексиканские крестьянки, он это обожает (*успокаивает Фриду*), знаю все секреты и тебе помогу (*они пьют текилу*) знаю, он уже никогда не вернётся ко мне.

Ф р и д а. Не вернётся?

Л у п е. Верь мне, я это знаю лучше тебя.

Ф р и д а. Лучше меня?

Л у п е. Да!

Ф р и д а. Почему?

Л у п е. Знаю, и всё, надо же, чтобы на этом свете хоть кто-нибудь был счастливым, и это будешь ты, я так решила...

Ф р и д а. Я согласна быть счастливой, согласна на счастье, хочу счастья.

Действие второе

КАРТИНА 5

(*Мастерская. Диего за мольбертом, ему позировает полуобнажённая натурщица, которая лежит перед ним на тахте. Заходит горничная*).

Г о р н и ч н а я. К вам педагог, ей подождать?

Д и е г о. Пригласи. (*Бросает кисть и устремляется к лег-*

комысленной девушке, появившейся в дверях). Сюзи, малышка, смогла освободиться? Ты очень порадовала своего старого ученика, изнываю от скуки, наизусть выучил урок (*без запинки произносит по-английски*). Нау а ю? Айм файн. Синкс.

Д е в у ш к а (*поправляя его*). Сэнкс.

Д и е г о (*повторяя, у него плохо получается*). Сэнкс. Сэнкс. Сэнкс. Так? Если я говорю что-то не то, поправляй меня, не стесняйся, дорогая.

Д е в у ш к а. Сэнкс, Сэнкс, Сэнкс.

Д и е г о. Готов вечно повторять за тобой эти глупые слова.

Д е в у ш к а. Разве они глупые?

Д и е г о. Как и ты, впрочем. Что у нас на сегодня? Пойдём, чтоб нам не мешали (*увлекает за собой девушку. Горничная беседует с натурщицей, которая устало одевается*).

Г о р н и ч н а я. Какая наглость, уверяют, будто занимаются английским, при этом он не скрывает пренебрежения к ней и интересуется соседкой, что живёт пососедству.

Н а т у р щ и ц а. Знаю, это художница Луиза Невельсон. Не догадывается, с кем имеет дело, он через месяц бросит её, хоть бы уж ребёнка ей не заделал, не обрюхатил.

Г о р н и ч н а я. Сама будет во всём виновата.

Н а т у р щ и ц а. Художники все Дон Жуаны. Дон Жуан здесь, Дон Жуан там (*напеваает*), все натурщицы – его любовницы, исключая меня (*с гордостью*), меня на мякине не проведёшь, насквозь вижу эти небрежные мазки.

Г о р н и ч н а я. В этой истории больше всего жаль Фриду,

стараются не подавать виду, когда ей говорят, с кем видели мужа... она так несчастна.

Н а т у р щ и ц а. Говорят, дела её не так уж хороши, ей сделали два десятка операций.

Г о р н и ч н а я. Затянута в гипсовый корсет, каково это, почти год быть прикованной к кровати, она ещё мечтает о ребёнке и шутит, в её-то положении!

Н а т у р щ и ц а. Видела её разрисованный корсет, свою комнату всю разукрасила от безысходности. Талантлива, Пикассо говорит, что ни он сам, ни Диего не умеют рисовать лица как Фрида.

Г о р н и ч н а я. Жаль ростом не вышла, а силы и красоты у неё с лихвой, немецкая кровь не слишком-то видна.

Н а т у р щ и ц а. Рядом с толстяком Диего она миниатюрная кукла.

Г о р н и ч н а я. Как индеанка, носит сандалии или просто босая ходит, на улицах в Америке прохожие останавливались.

Н а т у р щ и ц а. Ну, за что Бог дал ей такие муки, разве она этого заслужила? Я ей сочувствую, Дай Бог терпения этой мужественной женщине.

КАРТИНА 6

(Койоакан. Бело-красный дом Фриды. Звучат мексиканские мелодии. Подруга Фриды Чавела сидит на полу, поёт хриплым голосом. Фрида в вышитой кофте, в косы влете-

ны цветные шнурки, она в любимых украшениях. Мальчик с кротким лицом и чёрными глазами, похожими на индейские бусины, неподвижно сидит перед Фридой со сложенными на коленях руками. Входит Диего).

М а л ь ч и к (Диего, неподвижно сидя на стуле). Эта красивая сеньора – колдунья. Я ведь не такой красивый и не такой большой, и мне не столько лет, как она изобразила. А всё равно, как будто это я и со мной рядом моя умершая мама. (Диего задумчив, у него в руках письмо).

Д и е г о (Фриде). Получил заказ на фреску от Валентайнера, директора Института искусств в Детройте. Консультант Рокфеллера хлопочет устроить мою выставку, предлагают 10 000 долларов за сотню квадратных метров, это престижно (Фрида не реагирует). Хочу расписать всю поверхность по той же цене за метр, выручим неплохие деньги – около 20 000 долларов (обращается к Фриде). Вижу, не рада? (Фрида молча продолжает писать портрет). Нам нужны средства на строительство дома в Сан-Анхеле, надо срочно ехать в Нью-Йорк.

Ф р и д а (закуривая, с трудом говорит). Ты уже дал своё согласие и ставишь меня перед фактом?

Д и е г о (пожимая плечами). Конечно, нет, всё зависит от твоего решения, ты же знаешь, я в твоей власти, твой вечный пленник.

Ф р и д а (бросая сигарету, оставив мольберт, с кистью

в руках, порывисто обнимая Диего). Повтори, что ты сказал, конечно, поедем, очень рада, я счастлива, ты даже не представляешь, Диего, ты сделал меня такой счастливой.

Д и е г о (отстраняя её, вдохновенно). Это Америка новой эры, мои картины оплодотворят американскую революцию! Знаю, какими будут фрески, два оттенка красного и синего, четыре оттенка зелёного, жёлтый, белый.

Ф р и д а. Чёрный, непременно чёрный, и ещё пурпурный, обязательно!

Д и е г о. Это будет грандиозная стройка, найму ассистентов, рабочих, я буду строителем. Всегда считал, искусство Америки станет результатом слияния изумительного, пришедшего к нам из незапамятных времён искусства индейцев!

Ф р и д а. Я смогу там наконец ходить по песку.

КАРТИНА 7

(Звучит джазовая музыка. Нью-Йорк. Вывеска – «Отель «Барбизон-Плаза». Повсюду спуют люди. Мимо пробегает разносчик газет. «Пресные копии росписей в Чапинго и Мехико, культура американских индейцев – культура плетёных корзинок и лоскутных одеял!»)

Д и е г о. Что там пишут эти идиоты? Наглые газетчики смеют так говорить о нашей культуре, ничего в ней не понимая, это ужасно!

Ф р и д а. Всегда тебе говорила, этот город – громадная,

загаженная и неудобная клетка для кур.

Д и е г о (*вставая*). Достаньте пылесосы и избавьтесь от орнаментальных излишеств жюльнического стиля!

Ф р и д а (*яростно, уводя его*). Они веселятся на бесконечных вечеринках, а тысячи людей подыхают с голоду.

Д и е г о (*громко*). Провозгласите эстетическую независимость американского континента!

Ф р и д а. Нам нечего тут делать, пошли.

Д и е г о. Очистите мозги от фальшивых традиций, неоправданных страхов, станьте самими собой.

Ф р и д а. Невыносимо душно, я здесь словно тень, здесь нет ни капли свободы, нет пространства, мы зажаты в железные тиски, в отеле слишком тесно, чтобы заниматься живописью.

Д и е г о. Перед нами огромное полотно, верь в безграничные возможности Америки!

Ф р и д а. Не верю, это полотно закрыло небо над головой.
(*Гаснет свет. Вывески меняются*).

КАРТИНА 8

(*Детройт. Звучит блюз. Фрида и Диего на банкете Генри Форда, где присутствует высший свет Америки. Фрида в костюме китаянки, на её голове – абажур, у неё насмешливая улыбка и дерзкий взгляд. Рядом с Диего его помощница Люсьена Блох*).

Д и е г о (*с энтузиазмом*). Ни одна из построек, которые воздело человечество, не может соперничать с этой, здесь всё. сила, энергия, слава и юность континента.

Ф р и д а. Всё это так печально!

Д и е г о. Пока я возвращался в Детройт, империя Форда пронеслась передо мной, в ушах – симфония, доносящаяся из цехов, металл превращается в машины, чтобы служить людям. Новая музыка ждёт своего композитора!

Ф р и д а (*втыкая вилку в блюдо*). Всё остальное в Детройте такое же уродливое и глупое, как всё в эти штатах, это деревня с ветхими кривыми домишками.

Д и е г о (*беря в руки бокал*). Жалею о том, что это именно Генри Форд. Не чувствую права воздать ему хвалу, как хотелось бы, иначе я попытался бы написать книгу, в которой показал бы его величайшим поэтом и художником.

Ф р и д а (*улучив момент, задаёт вопрос*). Мистер Форд, а вы еврей? (*Зал замер от неожиданности, все устремили взгляды на Фриду*).

(*Фрида, Диего и его помощница идут по коридору, их обступают журналисты*).

Д и е г о (*журналисту*). Моя жена и Карл Маркс вылечили меня от причуд и излишеств моего барочного периода.

Ж у р н а л и с т (*подходя к Фриде, протягивая ей микрофон*). Как Диего проводит свободное время?

Ф р и д а (*невозмутимо*). Занимается любовью. (*Журналист шокирован. Дамы смеются. Постепенно все расходятся*).

ся. Люсьена тоже уходит. Фрида и Диего остаются одни).

Д и е г о (возмущённо). Если мои фрески будут уничтожены, это причинит мне боль.

Ф р и д а. Ты отдал им год своей жизни, вложил в них весь свой талант, как они могут так поступить с тобой? Это бесчеловечно!

Д и е г о. Завтра займусь другой работой, ведь я не просто художник, а скорее реализую биологическую функцию – производить картины.

Ф р и д а. Так дерево производит цветы и плоды.

Д и е г о. Дерево не ропщет, когда теряет созданное им за год, потому что знает, в будущем году снова будет цвести и плодоносить.

Ф р и д а (устало подходя к зеркалу. Делает страшную гримасу). Знаешь, как я скучаю по Койоакану! Пока я здесь, моя мать умирает от рака. Матильда и Кристина не едят, я измучена.

Д и е г о. Граф Хантингтон и его жена, позировавшая Огастесу Джону, сняли квартиру по соседству. Будем приглашать их ужинать с ними, ты теперь не будешь скучать, вместе с Люсьеной будете ходить в театр (*целует её*).

Ф р и д а. Диего, врач говорит, лучше, если я выкину нашего ребёнка.

Д и е г о. Что? Мерзавец! Как он может предлагать тебе такое?

Ф р и д а. Он дал мне хинин и сделал чистку касторовым

маслом, похоже, я рискую отправиться на тот свет.

Д и е г о (*обнимая Фриду, кладя руку на её живот*). Этот росток в виде полноценного ребёнка, а не зародыша, укрытый в луковице растения, тянется корнями к плодородным недрам земли. Это будет дитя Детройта, не слушай этого уродца, все будет нормально!

Ф р и д а (*примирительно*). К августу должна вернуться в Мексику и рожать дома, в Койоакане.

Д и е г о (*целуя её*). Надо, так надо, поезжай, видно, так будет лучше вам обоим.

КАРТИНА 9

(Штурм центра Рокфеллера. Люсьена Блох и Диего. Она протягивает ему фотоаппарат).

Л ю с ь е н а (*шёпотом*). Рокфеллер закрыл центр и поставил у входа вооружённую охрану, мне удалось пронести фотоаппарат под одеждой (*протягивает фотоаппарат*).

(Диего фотографирует фрески. Фрида и Диего стоят на лесах. Охранники силой выводят из здания художника, а затем закрывают фреску Диего экраном из натянутых на рамы полотен. Вход в вестибюль завешен брезентом, полиция разгоняет собравшихся).

Д и е г о. Миллионы людей узнали, что богатейший человек страны приказал уничтожить портрет Владимира Ильича, потому что я изобразил его как лидера, который ведёт

массы к новому порядку, равенству, согласию и миру, вместо войны, безработицы, голода, какие навязывает капиталистический хаос.

Л ю с ь е н а. Людей разгоняет полиция, как если бы, весь город с банками и биржевыми маклерами, доходными домами и особняками мог развалиться от одного лишь портрета Ленина.

Д и е г о. Скажи мне, разве художник не вправе выбирать модели для своих произведений?

Л ю с ь е н а. Если портрет покойного великого человека может оскорбить чувства неких людей, то этих людей при их образе мыслей должен оскорбить творческий замысел в целом.

Д и е г о. Поэтому предпочёл бы не уродовать моё произведение, а уничтожить его, чтобы, по крайней мере, сохранить его моральную целостность.

Л ю с ь е н а. Этого нельзя допустить.

Д и е г о. Предположим, американский миллионер купил Сикстинскую капеллу, где находится творение Микеланджело, имеет ли он право уничтожить фрески Сикстинской капеллы?

Л ю с ь е н а. Да, мы не можем не согласиться, что есть произведения искусства, которые принадлежат всему человечеству. Никто не вправе уничтожить их или любоваться ими в одиночку, так как является их собственником.

Д и е г о. Кто сказал, будто революция не нуждается

в искусстве, а вот искусство нуждается в революции! Это неправда, революция нуждается в революционном искусстве.

Л ю с ь е н а. Для революционера искусство – не то, чем оно является для романтика. Не возбуждающее средство, не допинг, оно – продукт, питающий нервную систему.

Д и е г о. Продукт, необходимый для борьбы, такой же продукт, как пшеница.

Л ю с ь е н а. Они не могут с тобой так поступить, это наконец бесчеловечно!

Д и е г о. Они могут всё, и ты это знаешь лучше меня.

Л ю с ь е н а (*задумчиво*). Всё?

КАРТИНА 10

(Мастерская. Фрида в юнгиштурмовке, босая, с пятиконечной звездой на груди, придерживает связку штыков. Она за туалетным столиком, раздевается, одежда небрежно разбросана вокруг. На полу вокруг неё песок. Фрида пьёт из горла текилу и рассматривает себя в зеркале. Звук кастаньет. Фрида расплетает ленты, берёт в руки верёвку и влетает её в свои косы. Затем делает кистью по своему телу красные мазки. Кажется, она в крови.

Фрида отбрасывает верёвку в сторону, обматывает вокруг горла свои длинные чёрные волосы. Покраснев, задыхаясь от удушья, медленно ставит табурет посередине комнаты, привязывает к люстре верёвку, взбирается на табурет.

Поднимает юбку, долго внимательно изучает перевязанную ногу. Красный свет ползёт по ноге, телу, к лицу, красные языки пляшут по стенам. Фрида хочет поджечь себя. Вбегает Чавела, оттягивает её в сторону, тушит загоревшуюся одежду).

Ч а в е л а. Что ты наделала!

Ф р и д а (*приходя в себя, шепчет*). Моя кровь – чудо, которое путешествует по венам из моего сердца в твоё. Вокруг зыбучий песок, он поглощает, как воронка (*отряхивает с себя песок*), он засасывает меня.

Ч а в е л а. Реальность хуже сна.

Ф р и д а. Хочу убить себя ужасным ножом, за которым все наблюдают.

Ч а в е л а. Фрида, здесь никого нет кроме нас.

Ф р и д а. Молчи, ничего не говори. Да, это моя вина, огромная, как боль... оставь меня, хочу побыть одна.

Ч а в е л а. Фрида! (*Чавела уходит*).

(Фрида становится на табурет, берёт в руки ножницы и начинает обстригать свои волосы, отбрасывая их в сторону. Они клочьями падают. Звучит испанская мелодия. Фрида падает с табурета. У неё начинаются галлюцинации. Вокруг неё мечутся тени Иуды, который висит на огромном шесте. Кажется, клоки её волос – это чёрные птицы, грифы, вороны, которые каркают. Фрида отбивается от них, босая, хромая и припадая на одну ногу, идёт

по песку).

Ф р и д а. Я буду биться с ними, но этот зыбучий песок засасывает, он меня поглотит.

(Она начинает сражаться с грифами, сыпет песок себе на голову, спотыкается, падает на пол. Всё затихает. Фрида засыпает на полу в песке. Светлеет, наступает утро. Яркие огромные бабочки порхают по комнате).

Действие третье

КАРТИНА 11

(Вывеска – «Ла Разито». Фрида за барной стойкой с бритой головой, в брюках, ботинках и кожаной куртке. Она пьёт виски, танцует фламенко с молодой девушкой. Звук ударов каблук и подошвы ботинка об пол).

Ф р и д а *(разворачивая газету)*. «Неистовый крестоносец живописи». Интересно, что же они пишут, сейчас посмотрим. «У него мягкие манеры и телосложение итальянца, подвешенный язык и серьёзный вид испанца, цвет кожи и маленькие широкие ладони мексиканского индейца, пронизательный взгляд еврея, многозначительная неразговорчивость русского и качества, присущие ему одному. Он упорно настаивает, что в нём нет ничего от англосакса» *(бросает газету на пол)*. Да, они не врут, надо же!

М у ж ч и н а *(шепчет сидящей рядом за столиком сосед-*

ке). Похоже, это Фрида.

Ж е н щ и н а. Она подстриглась.

М у ж ч и н а. Правда?

Ж е н щ и н а. У неё ведь были такие роскошные волосы.

М у ж ч и н а. Она развелась с Диего после того, как застала его со своей сестрой.

Ж е н щ и н а. Теперь часто надевает мужской костюм, занимается боксом, повсюду рассказывает о Диего, она им просто бредит.

М у ж ч и н а. Пытается выжить, гордость не позволяет ей сделать первый шаг к примирению, ждёт этого от него.

Ж е н щ и н а. Как я её понимаю, ведь ей надо с кем-то поделиться, она не может простить и не может забыть его.

(На Фриду влюблённо поглядывает девушка. Фрида в раздумье устремляется к ней навстречу).

Ф р и д а. У меня не было детства, по-настоящему моя жизнь началась с занятий живописью и любовной страсти *(играет, примеряя к себе роль Диего, подражая ему, говорит с хрипотцой зазубренные фразы)*. Когда мне было шесть, со мной играли обитательницы борделей Гуанахуато,

Д е в у ш к а. В шесть, а ты не ошибся, ничего не путаешь?

Ф р и д а. В девять у меня был первый сексуальный контакт с учительницей протестантской школы.

Д е в у ш к а. Ух ты, неужели, так рано?

Ф р и д а. Изучая анатомию в Мехико, я уговорил однокурсников есть человеческое мясо, по примеру меховщика

из Парижа, который по соседству кормил кошек кошачьей нарезкой.

Девушка. Кошачьим? Фу, какая гадость, меня сейчас стошнит!

Фрида. Это ещё что, моим любимым блюдом были женские ляжки и груди, мозги молодых девушек в уксусе.

Девушка. А ты не врёшь?

Фрида. Я вру? Обижаешь! Ещё я любил гигантскую ароматную клубнику, удобренную человеческими экскрементами.

Девушка. Господи, какой ужас! *(съёживается, от отвращения и страха шарахается в сторону)*.

Фрида *(грубо)*. Знаешь, в Париже она дала мне всё, что можно дать мужчине, в замен получила от меня все страдания, которые можно причинить женщине.

Девушка *(страстно, придвигаясь к Фриде)*. Я тоже хочу страдать от любви, не прочь погибнуть в твоих объятьях.

Фрида. Её звали Ангелиной Беловой, она была из России, к своему несчастью, решила стать моей законной женой.

Девушка *(прижимаясь к плечу Фриды)*. А что было дальше, вы поженились?

Фрида. Славянка долго писала письма, признаваясь в любви, потом я страстно полюбил Маревну, она была импульсивная, я писал её.

Девушка. Напиши меня, хочу погибнуть в твоих объятьях.

Ф р и д а. Я не мог больше вынести жизни со своей женой, так или иначе, ребёнок, которого она ждала, это несчастье, которого я никогда не хотел. Так продолжаться не могло, она либо должна была уехать, либо остаться и быть моей.

Д е в у ш к а. Похоже, ты непостоянен из-за похотливой страсти к женщинам.

Ф р и д а. Сам Пикассо заставлял меня ревновать, поглаживая её живот, было всё. оскорбления, ревность, попытка перерезать горло. Смуглянка Лупе Марин, а ангельское личико Тины Медоти, я упивался изображением женского тела.

(Девушка проникновенно слушает пьяные бредни).

Д е в у ш к а. Мне нужен такой, как ты, страстный.

Ф р и д а. Чем сильнее я люблю женщин, тем сильнее хочу заставить их страдать. Знаешь, мы скоро поженимся с Фридой.

Д е в у ш к а. Кто это? Про неё ты мне не рассказывал.

Ф р и д а *(опуская глаза)*. Не спрашивай о ней, она рядом, а то ещё услышит невзначай.

Д е в у ш к а. Услышит, где она? *(оглаadyвается вокруг)*
Но ведь её нет поблизости, ты это о чём, дружище?

Ф р и д а. Мне тогда несдобровать.

Д е в у ш к а. Не понимаю тебя, что-то тут не стыкуется.

Ф р и д а. Пойдём, милашка, зачем тебе вникать во всё, это совсем необязательно, ты должна знать лишь то, что я талантливый художник и ты будешь моей. *(Фрида уводит девушку)*.

КАРТИНА 12

(Больничная палата, где лежит Фрида, закованная в ортопедический корсет, который ярко расписан. У неё на лбу – яркий красный цветок. Заходит Диего).

В р а ч *(обращаясь к Диего)*. Только недолго. У неё случился очередной выкидыш, потеряла очень много крови, ей нужен покой.

Д и е г о *(бросившись к Фриде)*. Ты с диадемой из человеческих сердец, как Бог луны и ночного неба, истребителя солнца, – Тескатлипоки.

Ф р и д а. Я в шкуре освежеванного ягуара, утыканной зеркалами, отражающими звёзды, говорила же, что мой благоухающий цветок, похоже, уже никогда не распустится, поэтому нарисовала вот этот *(указывает на свой лоб)*.

Д и е г о. Хочу нырнуть под твой корсет и больше никогда не выбираться оттуда *(Диего становится на колени, припадая головой к её груди)*.

Ф р и д а. Дерево надежды, стой прямо, не качайся, а то упадёшь.

Д и е г о. Моё прекрасное дерево, буду любить тебя, даже если никогда уже не снимешь с себя корсет и ослепительно не разденешься передо мной.

Ф р и д а *(насмешливо)*. Позволь тебе не поверить.

Д и е г о. Ты – картина, которую нарисовал на холсте

и в своём воображении, этому рисунку не дано исчезнуть.

Ф р и д а. Неужели?

Д и е г о. Я – твой фотограф, запечатлевший твою жизнь, и уже не могу без тебя.

Ф р и д а. Так уж и не можешь?

Д и е г о. Ты ведь сама говорила, что ничего не бывает по-настоящему чёрным, ни-че-го.

Ф р и д а. Ни-че-го (*задумчиво*), вот с этим я согласна.

Д и е г о. Пришёл сделать тебе предложение, мы должны быть вместе, ведь мы пропитаны друг другом.

Ф р и д а (*собираясь с мыслями*). Рядом с тобой две Фриды. Одна говорит. «Да», другая. «Я подумаю».

Д и е г о. Твоя диадема передо мной, она так благоухает и прельщает.

Ф р и д а. Одна Фрида – растерзанная, у которой в душе лишь боль и смятение, другая – счастливая и благодарная, она идёт на твой зов. (*С соседней кровати встаёт девушка в облике Фриды, подходит к зеркалу, смотрится в него. Диего протягивает к ней руки*).

Д и е г о (*закрывая глаза*). Так благоухает.

Ф р и д а. Но это не я, сейчас моя цветовая гамма – цвет соуса моле, увядающих листьев, земли, та, другая, пойдёт за тобой, иди за ней.

(*Девушка-видение исчезает*).

Д и е г о. Нет, Фрида, это ведь ты, ты меня не обманешь, я пришёл за ответом, без тебя мне не жить на этом свете.

Ф р и д а. Я подумаю над твоим предложением, Диего.
(*Диего уходит*).

КАРТИНА 13

(*В дверях больничной палаты Фриды показывается её подруга Чавела Варгас*).

Ч а в е л а. Вчера в дверях случайно столкнулась с кол-лекционером живописи Хайнцем Берггрюэном. Этот бога-тый американец навещал тебя?

Ф р и д а. Чавела, да, был у меня, его почему-то больше всего, похоже, интересовал мой расписанный корсет (*указы-вает на свой корсет*). Все теперь приходят посмотреть на ме-ня как на экспонат, я тут даю бесплатные спектакли.

Ч а в е л а. Без театра ты не можешь.

Ф р и д а. Знаешь, мне приснился отец, он предсказал, когда я умру... в этом госпитале по ночам смерть танцует вокруг моей кровати.

Ч а в е л а. Вот, оказывается, какие мысли тебя тут наве-щают в моё отсутствие?

Ф р и д а. Когда очередной раз надеялась заполучить ма-ленького крикуна Диегито, вышло по-другому, теперь мне остаётся перенести то, что случилось. Не хочу об этом гово-рить, но я оказалась, похоже, между двух миров и теперь вы-бираю, в каком из них мне будет лучше.

Ч а в е л а. Молчи, всё знаю.

Ф р и д а. Как художник я ведь на голову выше Риверы?

Ч а в е л а. Риверы?

Ф р и д а. Можешь не отвечать, сама это знаю, но что это меняет в жизни?

Ч а в е л а. Вы о чём-то договорились с Хайнцем?

Ф р и д а. Это всё пустое, у меня был Диего.

Ч а в е л а. Диего? Как это любезно с его стороны.

Ф р и д а. Он предложил опять пожениться.

Ч а в е л а. Ну, и что, ты ему отказала?

Ф р и д а. Сказала, подумаю.

Ч а в е л а. То-то он вылетел от тебя как пуля.

Ф р и д а. Я плохо сейчас соображаю, но ему надо дать ответ. Думаешь, стоит ещё раз устроить свадьбу?

Ч а в е л а. У тебя будет время обо всём хорошенько подумать.

Ф р и д а. Считаешь, после всего, что случилось, брак будет крепким? *(вопрошающе смотрит на подругу)*.

Ч а в е л а. Хочешь знать моё мнение? Ты всегда была с ним в состоянии войны, и эта война продолжится.

Ф р и д а. Что бы то ни было, нас слишком многое связывает.

Ч а в е л а. Это ложь думать, что развод положит конец твоим страданиям, разве не будешь опять страдать?

Ф р и д а. Жизнь – это страдание, это не радость, теперь я точно это знаю. Я сейчас в такой тоске, что не могу рисовать.

Ч а в е л а. Не мучь себя понапрасну.

Ф р и д а. Мои дела с Диего становятся хуже день ото дня, в том, что случилось, есть моя вина, и немалая, я ведь не поняла, что ему было нужно в жизни, и сопротивлялась неизбежному.

Ч а в е л а. Поэтому не казни себя.

Ф р и д а. Я многое смогла в жизни осилить, я смогу ходить, могу рисовать, люблю Диего больше, чем себя... воля моя велика, она моя ещё жива.

Ч а в е л а. Вот так уже лучше, приди в себя, стань прежней Фридой, которая всё может.

Ф р и д а (*начиная рисовать на пододеяльнике*). Как там дома?

Ч а в е л а. Дома всё по-прежнему, мы – я, цветы и растения, птицы, обезьяны, попугаи, голые собаки и твой фонтан – ждём тебя.

Ф р и д а. Как мне всё это дорого, только сейчас начинаю это понимать всё это чётко прорисовывается.

Ч а в е л а. Твой коммунистический «иконостас» от Маркса до Мао, похоже, тоже тебя заждался, все ждут твоей революции.

Ф р и д а. Завтра обещают перевезти домой, не знаю, будет ли от этого лучше, с корсетом, кажется, срослась уже намертво.

Ч а в е л а. Главное – подавить уныние, ты сама это знаешь, зажми его и не выпуская.

Ф р и д а. Уже зажала и держу (*сжимает кулак*). Попро-

бую ещё раз родиться на свет, в последний раз – теперь в инвалидной коляске (*с горечью*). Сознайся, потягиваешь без меня горькую? Можешь не отвечать.

Ч а в е л а. Похоже, для нас с тобой не существует запретов, говорим и делаем, что хотим.

Ф р и д а. Ты знаешь, я – цветная картина, ничего не бывает по-настоящему чёрным, ни-че-го.

Ч а в е л а. Это так!

Ф р и д а. Я так давно не слышала твоего голоса, спой для души (*Чавела начинает почти беззвучно петь*).

В р а ч (*дослушав её, обращаясь к певице*). Больная устала, она ещё не окрепла.

КАРТИНА 14

(Монпарнас, вдали видна Эйфелева башня. Звучат песни Эдит Пиаф. Повсюду толчея, шум, гвалт. Коротко остриженная Фрида и её подруга Тина, в руках которой фотоаппарат, заходят в питейное заведение, где собираются художники).

Ф р и д а (*перекрикивая окружающих*). Мне не нравятся иностранцы, они скучные, у них лица как непропеченные булки.

Т и н а. Верно, особенно у старых женщин (*резко меняет тему*).

Ф р и д а. Диего опять просит моей руки, пожалуй, согла-

шусь.

Т и н а. О вашем союзе, может, чудовищном, но всё же священном, скажу. Это была любовь.

Ф р и д а. Сейчас худшее время всей моей жизни, я удивлена, что при этом можно жить.

Т и н а (*фотографируя Фриду, указывая на мужчину за соседним столиком*). Это торговец картинами Воллар.

Ф р и д а (*с усмешкой*). Иду по стопам Диего, который всё время идёт рядом. Он испытал здесь потрясение от Сезанна, разглядывая его картину. Воллар пошёл обедать и запер дверь галереи.

Т и н а. Так ему и надо!

Ф р и д а. Через час вернулся и увидел, что Диего всё ещё стоит перед картиной. Воллар поставил в витрину другую картину Сезанна, потом принёс ещё три, зажёг свет в витрине, наконец не выдержал. «Больше их у меня нет!» Диего явился домой под утро, у него был жар, он бредил.

Т и н а. Как это на него, однако, похоже, на него не мог не подействовать парижский холод, картины Сезана его впечатлили.

Ф р и д а (*не слыша собеседницу*). Если так будет продолжаться, лучше бы меня убрали с этой планеты, Диего во всём (*декламирует*).

В слюне, в бумаге, в каждой линии, каждом цвете и каждом глотке воды. Он в моей груди, снаружи и внутри, поэтому так трудно мне писать. Диего – чудо, встающее передо

мною, он в солнечных лунах, во всём – в глупом и прекрасном. Диего в моей моче, у меня во рту, в моём сердце, в моих безумных снах, на кончике пера, в пейзажах, в пище и воображении, в болезнях, в окнах... в хитростях и лжи, в его глазах, на его губах...

Диего – начало, создатель, моё дитя, суженый, Диего – художник, мой любовник, мой муж, друг, моя мать, мой отец, он мой неродившийся сын.

Т и н а (*пытаясь успокоить её*). Ты успокоишься наконец? Не мучь себя, всё в жизни проходит, пройдёт и это. Выставка имела успех.

Ф р и д а. Неожиданно работу приобрёл Лувр, зачем им она?

Т и н а. Ривера не стоит того, чтобы о нём сокрушаться, этот Принц-жаба помешан на своём искусстве, Ленине и Троцком, хотя надо отдать ему должное, таланта у него не отнять.

Ф р и д а (*потягивая текилу*). Тревога, горе, наслаждение, смерть – это, по сути, один способ существовать. Одно хорошо. начинаю привыкать к страданию.

Т и н а. К нему нельзя привыкнуть, никогда никто ещё на свете не привыкал к боли, это рана, она саднит.

Ф р и д а. Никогда, никогда я не забуду, кем он был для меня. Он подобрал меня, когда я была разбита, избрал меня заново на этой слишком маленькой земле. На что устремить мне взгляд? Такой бескрайний, такой глубокий!

Нет больше времени, ничего больше нет, мы врозь. Осталась только реальность, то, что было, это навсегда.

(К ним присоединился мужчина, он с интересом разглядывает Фриду, подмигивая ей, прислушиваясь, о чём она говорит).

Т и н а *(наклонясь к Фриде, шепчет)*. Похоже, ты ещё нравишься мужчинам, да ещё каким!

Ф р и д а. Мне очень нужны деньги, но не приму их ни от одного мужчины, пока жива. Думаешь, мне помогает Мюррей? Никому не верь, Ник – мой друг.

Т и н а. Я не о том, ты не так меня поняла, это текила на тебя так дурно влияет. Перед тобой скульптор-авангардист Исаму Ногути, у него студия в Париже.

Ф р и д а *(в сердцах)*. Ну и что с этого? У Диего был роман с Луизой Невелсон, она тоже была скульптором.

Т и н а. Дался тебе этот Ривера, расслабься, ведь ты ни где-нибудь, а на Монпарнасе.

Ф р и д а *(затягиваясь сигаретой)*. Ненавижу этот чёртов Париж и этих художников, от Европы и профессионалов интеллектуального бунта меня отделяет пропасть.

Н о г у ч и *(с любопытством)*. Это вы так о Франции? Не слишком любезно.

Ф р и д а. Да, Франция – не слишком отличается от Гринголандии, которую я повидала в Сан-Франциско, Детройте, Нью-Йорке, это путешествие ничего не дало мне. Диего нет рядом.

Т и н а (*виновато улыбаясь художнику, шепчет Фриде*). С ним нужно общаться на английском, к тому же не стоит при нём об этом.

Ф р и д а. Мне наплевать, не могу выносить этих чёртовых интеллектуалов, лучше сидеть на земле и торговать лепешками в Толуке, чем иметь дело с парижской «художественной» сволочью.

Н о г у ч и. Сволочью, я правильно вас понял?

Ф р и д а. Именно так, могу повторить это сто раз! Сюда стоило ехать только ради того, чтобы понять, почему Европа загнивает, такие вот интеллектуальные сукины дети, бездарности породили всех этих Гитлеров и Муссолини.

Н о г у ч и. Я говорю по-испански (*Фрида замолкает, Тина опускает глаза, они обмениваются взглядами*). Как говорил кубист Брак, у мексиканцев чувства деформируют мысли, естественно, формируют их, я сам не раз был очевидцем этого (*улыбается*). Хочу создать фреску «История Мексики», а ещё отправиться добровольцем в индейскую резервацию в Аризоне.

Ф р и д а. История Мексики и Аризона – это несовместимые вещи!

Н о г у ч и (*Фриде*). Работы вашего мужа кажутся мне интересными, хочу пригласить вас на ужин.

Ф р и д а (*не обращая внимания, продолжает*). Они думали, что я сюрреалистка, но я не была ею, никогда не рисую сны или кошмары, рисую собственную реальность. Пи-

шу себя, потому что много времени провожу в одиночестве и потому что являюсь той темой, которую знаю лучше всего.

Н о г у ч и. Кстати, ваш друг «отец сюрреализма» Андре Бретон назвал Мексику сюрреалистической страной чистого совершенства.

Ф р и д а. Этот сукин сын не сумел даже организовать мне встречу, поселил в одной комнате со своей дочерью.

Н о г у ч и. Не мудрено, что Кандинского потрясла ваша живопись, по его лицу текли слёзы, вы – сама экзотика, у вас действительно экзотическая внешность!

Ф р и д а. Вы так считаете?

Н о г у ч и. Это так, видел ваш портрет на обложках. Правда, что Скиапарелли создала платье «Мадам Ривера» и к нему духи «Шокинг»? *(наклоняется к Фриде)*. Они имеют ваш запах?

(На гипсовом панно, на котором упражняется в искусстве фрески, Фрида пишет. «Уродина», а потом разбивает панно, швырнув об пол).

Ф р и д а. Не люблю гринго, с их душевным складом и омерзительным пуританизмом, меня раздражает, что в Гринголандии в человеке больше всего ценится честолюбие, презираю чванство. *(Ногучи неотступно идёт вслед за Фридой)*.

КАРТИНА 15

(Фрида в постели. На её голове корона из кос, украшенных

цветами. В углу – инвалидная коляска. Рядом на кровати лежит протез в вызывающем красном ботинке и железные растяжки для позвоночника. Звучит песня Чавелы Варгас).

Ф р и д а (*пишет и читает написанное*). . . . В моей жизни было две страшных катастрофы. Первая – это автомобильная авария, которая навсегда искалечила меня, вторая – это Диего, он монстр и святой одновременно (*задумчиво*). Диего – это всё, что живёт в минутах не-часов, не-календарей и пустых не-взглядов, – это он, мой крылатый Диего, моя тысячелетняя любовь.

Диего – я, это вселенная. Но почему я говорю мой Диего? Он никогда не будет моим, а принадлежит лишь самому себе. Никто никогда ведь не поймет, как я его люблю. Я хочу только одного, чтобы никто не ранил его и не беспокоил, не лишал энергии, которая необходима ему, чтобы жить так, как ему нравится. Если бы я обладала здоровьем, хотела бы целиком отдать его Диего.

(*Входит Диего*).

Ф р и д а (*смущённо*). Ты так скоро вернулся? А я как раз писала тебе письмо. Если хочешь, прочти (*читает письмо*). «Диего, дорогой мой, не забывай, что, поскольку ты закончил фреску, мы будем соединены навсегда, без ссор и прочего – просто чтобы любить друг друга очень сильно. Веди себя хорошо и делай всё, что велит Эмми Лу. Я люблю тебя больше, чем когда-либо раньше. Твоя маленькая девочка

Фрида. Напиши мне».

Д и е г о (*подыгрывая*). Хорошо, дорогая, напишу, как только проведу одну прелестную особу, она, кстати, сейчас рядом со мной (*обнимает и целует. Фрида прижимается к нему, уткнувшись лицом в его одежду*).

Ф р и д а. Этот запах меня преследует везде (*он помогает ей сесть в инвалидную коляску*).

Д и е г о. От тебя пахнет лекарствами!

Ф р и д а. Опять кололи морфий, я не страдаю, только ощущаю усталость, и часто охватывает отчаяние, его невозможно описать. Хочется заниматься живописью, но не так, как раньше, хочется, чтобы она приносила пользу.

Д и е г о. Ты итак приносишь пользу. Разве нет? Ведь ты помогаешь мне жить на свете.

Ф р и д а. Я не о том, мне не до шуток.

Д и е г о. Кто сказал, что это шутки?

Ф р и д а. До сих пор я только и делала, что изображала собственную персону, это не то искусство, которое может быть полезно партии. Должна бороться изо всех сил, чтобы и в таком состоянии быть полезной революции, только это придаёт смысл жизни, которая на исходе.

Д и е г о. Крепись, ты сильная, моя мужественная революционерка! (*пытается шутить, с улыбкой надевает итальянскую карнавальную маску*).

Ф р и д а (*с болью*). Не моё тело – я только одна, а я хочу, чтобы было две, для этого мне отрежут одну ногу. Но ведь

я должна её иметь, чтобы ходить, но эта точка поддержки уже мертва! Для меня крылья – это более чем достаточно, позвольте им отрезать мою ногу, тогда я полечу.

Д и е г о. Это ещё не конец, ты ведь знаешь, что всё ещё у нас с тобой впереди.

(Фрида протягивает Диего кольцо).

Ф р и д а. Это тебе к двадцатипятилетию нашей свадьбы подарок.

Д и е г о. Почему ты делаешь это заранее?

Ф р и д а. Потому что знаю, что скоро покину тебя.

(Лицо Диего застывает, на нём – маска скорби. Он смотрит в зал. Звучит мелодия аранхуэсского концерта).

КАРТИНА 16

(Художественная галерея, где открывается выставка работ Фриды. Среди гостей – Диего, Тина, Чавела, Ногучи, Кристина, Люсьена, Луле Мартин, друзья и поклонники Фриды).

1-й п о с е т и т е л ь. Фрида исходит от самого сердца, удивительная женщина!

2-й п о с е т и т е л ь. Невероятное упорство, с которым она пыталась всё преодолеть.

(Некоторые посетители молчат, не могут вымолвить ни слова).

Ч а в е л а. Такая боль просвечивает сквозь её картины

(смотрит на картину. Фрида с обезьянкой), она сливается со своей обезьянкой.

Т и н а. Восхищает всё, начиная с цвета... такие страсти и чувства.

Н о г у ч и. Очень откровенно показывает свой внутренний мир и переживания, в её работах жестокость и известная доля бесстыдства.

Д и е г о. *(стоя у одной из картин, как будто обращаясь к Фриде)*. Ты превращаешь свою боль в искусство, в твоих работах нет жалости к себе, в них – сила. Фрида, ты – единственный случай, когда художник разорвал сердце, чтобы увидеть его биологическое естество при помощи воображения, оно более быстрое, чем свет. Из потока крови возникает маленькая Фрида *(обращается к окружающим)*, никто ещё так не изображал собственное появление на свет, какой чудовищный реализм.

Н о г у ч и *(подходит к картине)*. Индейская каменная маска кормилицы, её груди, подобно гроздьям винограда, источают молоко, плодоносным дождём орошают землю, слезами оплодотворяют наслаждение.

1-й посетитель. А Фрида будет?

2-й посетитель. Врачи запретили ей, она уже не встаёт.

Л у п е. Бедняжка, а как бы ей хотелось увидеть свою первую выставку *(внезапно доносится звук сирены скорой помощи и рёв мотоциклетного эскорта)*.

1-й посетитель. Расступитесь, пройдите вперёд, про-

пустите.

Н о г у ч и. Что там происходит, что за шум?

2-й п о с е т и т е л ь. Вы разве не видите? Они вносят её на кровати!

(У входа шум, толпа расступается. Окружающие шёпотом произносят её имя. «Фрида». Его по цепочке вполголо-са передают от одного человека к другому. Все делают это абсолютно по-разному, кто-то повторяет быстро, кто-то с неловкостью, комкая что-то в руках, кто-то нараспев, кто-то с дрожью в голосе, заикаясь. Пучок света высвечивает лицо того, кто произносит имя. Тина делает снимок каждого, снимки появляются на экране.

На кровати с балдахином как на носилках вносят лежащую Фриду. На ней наряд жёнищины племени теуана. Волосы уложены, в косу вплетены красные розы, на пальцах – кольца. Рядом с ней – Чавела. Фриду окружают музыканты, они затягивают мексиканские баллады. Почитатели обступают Фриду, поздравляют её. Происходящее отражается в зеркале, укреплённом под балдахином, лучшие всех зрителям видна сама Фрида).

Ф р и д а. Вы не будете возражать, что я тут прилегла? Но я ещё хочу успеть босыми ногами ступить на свой песок, ощущаю, как он струится сквозь мои пальцы, это скольжение, шелест, зовущий в неизбежность.

1-й п о с е т и т е л ь. Посмотрите, на полу песок *(все смотрят на песок, который рассыпан повсюду).*

(Под аккомпанемент оркестра Фрида поёт весёлые песенки, курит и пьёт. Раздаются возгласы. «Браво, великолепно!». Наконец в зале становится темно. Звуки музыки, голоса всё ещё раздаются, но люди постепенно куда-то исчезают. Фрида остаётся одна в художественной галерее, она лежит на кровати, которая освещена. Вокруг висят картины, стоит штатив фотографа. Голоса людей и музыка постепенно отдаляются, раздаётся стук в дверь, ведущую туда, где лежит Фрида. Затем воцаряется полная тишина).

Ф р и д а (смотрясь в зеркало). Зеркало! Палач моих дней, моих ночей, оно изучало моё лицо, малейшие движения, складки простыни, очертания предметов. Часами я чувствовала на себе его пристальный взгляд, видела себя изнутри и снаружи, Фрида везде... без конца.

Мне ампутировали ногу, таких страданий я никогда не испытывала, шок не проходит, в организме всё нарушилось, даже кровообращение. Со времени операции прошло шесть месяцев, и я ещё здесь, люблю Диего больше чем когда-либо и надеюсь ещё быть ему полезной и заниматься живописью в полную силу, только бы с ним ничего не случилось, потому что, если бы он умер, я последовала бы за ним. Нас похоронят вместе, пусть никто не рассчитывает, что я буду жить после смерти Диего, жить без него я не смогу ни минуты, он мой сын, он моя мать, мой отец, мой супруг, он моё всё. Но я уйду отсюда первой.

(В темноте высвечивается картина, где Фрида два года, на ней её родители).

«Мои прародители, мои родители и я». Я родилась вместе с мексиканской революцией, меня кормила индейская няня, чьи груди омывали каждый раз, как только я требовала молока. Мне было четыре года, моя мама открыла окна, выходящие на улицу Альенде, впустила саматистов, они, раненые, голодные, прыгали через окна в гостиную. Нас было четыре сестры. Матита, Адри я и Кристина... слишком долгая революция опустошила Мексику.

(Освещается портрет Фриды, где она прикрывает большую ногу).

(Высвечивается картина, где Фрида с соломенными крыльями). Чтобы представлять ангела, родители надевали на меня белое платье и соломенные крылья, приделанные с помощью лент, которые спускались с неба, эти крылья я так и не надела, но знаю, что обязательно сделаю это *(её лицо искажает боль)*.

Если мы – не наши цвета, ароматы, наш народ, то кто мы? Ничто... Для меня не существовало полутонов, ведь я должна была получить всё или ничего. Отсюда эта неутомимая жажда жизни, жажда любви сквозь песок, который сейчас чувствую под своими ногами. Хочу, чтоб вы сожгли это предательское тело, не надо, не хороните меня, я итак слишком много лежала. Мечтаю уйти радостно и никогда не возвращаться. Да здравствует жизнь!

(Фрида умирает, окруженная своими картинами. Звучит «Аранхуэс». В зале раздаётся шёпот. «Смотрите, она умерла!» В комнату просачиваются звуки извне. Все, кто был на выставке, опять возвращаются, подходят Фриде и молча кланяются ей, как это делают актеры в конце спектакля).

Занавес.

Уйти с мамонтом

Пьеса-метаморфозы по мотивам Е. Замятина

Действующие лица

Март – музыкант

Маша – его возлюбленная

Обёртышев – сосед

Председатель – домоуправ

(Платье – полуживое фантастическое существо)

Действие первое

КАРТИНА 1

(В комнате полутьма, печь едва теплится. В углу одиноко белеет рояль, на нём лежат брошенные ноты. Шифоньер из дорогого дерева, письменный стол, на котором стоит ведро и лежит топор, неподалеку – железное корыто. Повсюду хаос и запустение, рядом с горой немытой посуды, железными мисками и консервными банками – раскрытая книга. Март обхватил рукой никелированные решётки кровати, которая стоит у окна, на ней лежит Маша, укрытая грудой одеял и мохнатой шкуркой. Он стоит у изголовья и гладит её волосы).

М а р т (*наклонившись к Маше*). Превратился в глину, не могу любить тебя как прежде. (*Маша закрывает ему рот рукой*).

М а ш а. Молчи, теперь это для нас с тобой – центр вселенной (*озирая взором комнату*). Верю, в нашем доме-скале, пещере, в которой оказались погребёнными, хоть на один час наступит весна, жду её, и ты жди.

М а р т. Тоже верю, она придёт, надеюсь на это.

М а ш а (*сбрасывая с себя шкуру*). Давай хоть на какое-то время сбросим с себя все эти косматые шкуры зверей, когти, клыки, тогда сквозь обледеневшую мозговую корку непременно пробьются зелёные стебли, ростки жизни.

М а р т (*помогая ей убрать с кровати груды одеял*). Давай! Прочь лохмотья и звериные шкуры, которые нас поглощают. Но ведь ты можешь замерзнуть, печь совсем не греет, уже остыла.

М а ш а. Не замерзну, прижмусь к тебе, как прежде, ты согреешь меня своим теплом (*прижимается к нему, смотрит в окно*). Смотри, какое небо сегодня низкое, дырявое, как ватное, уходит куда-то вглубь, в лабиринт, в небытие, сквозь щели просачиваются кристаллы льда. И ты какой-то другой, изменившийся, не такой, как обычно, а пещерный... Кажется, над нами навечно сомкнулись невидимые своды.

М а р т. Как такое могло произойти? Нас поглощает лабиринт.

М а ш а. Не можешь поверишь, что это могло случиться?

Но ты это видишь своими глазами, значит, такое может быть, видимо, всё же произошло. Посмотри на себя со стороны, Фома неверующий, ну, в кого ты превратился?

М а р т. Разве кто-то может поверить, что я это – я? Когда-то сидел за этим роялем в огромном зале, публика рукоплескала, неистово кричала «браво!», когда я играл на бис. Теперь у огня два первобытных человека – ты да я, да мы с тобой.

М а ш а. Не могу привыкнуть, что я – пещерный человек, дикарка. Чем сейчас довольствуемся? Огонь, пища – это всё, можно пересчитать по пальцам.

М а р т. Да, потребности сведены к минимуму, постепенно превращаемся в нелюдей, зверей, обрастая толстой шкурой, черствеем, грубеем.

М а ш а (*вскакивая с постели*). В зверей? Нет, никогда! Всё, только не это, до этого мы не должны докатиться ни при каких обстоятельствах. Это страшно, это невыносимо!

М а р т. Ведь ты освоила язык животных, можешь разговаривать с ними!

М а ш а. Язык – другое, это душа... совсем не то, это не инстинкт.

М а р т (*глядя её по голове*). Хорошо, хорошо.

М а ш а. Так темно, становится даже трудно дышать, мне жутко! (*прислушивается*). Слышишь, кто-то воет? (*показывает на тёмный угол*). Видишь, лохматые, тёмные своды нашей пещеры колышутся?

М а р т. Успокойся, дорогая, никого там нет, тебе показалось, это всего лишь галлюцинации, это наше с тобой северное сияние.

М а ш а. Никогда этого не будет, твёрдо знаю, ощущаю каждой клеткой, ни за что не превращусь в зверя, чего бы мне это ни стоило, надо не потерять человеческое.

М а р т. Милая, не волнуйся, не стоит об этом, ты измотана болезнью, твоему телу нелегко, лучше приляг, отдохни, не трать энергию понапрасну, давай помолчим!

М а ш а. Не я сейчас лежу на кровати, это наша истерзанная любовь, её осколки впиваются в тело и ранят, мы тщетно пытаемся их соединить (*собирает что-то на постели и складывает*), но пазлы не соединяются, ночами летаю, парю над всем этим разбитым царством как птица (*горловым пением подражает птице*).

М а р т. Крылатая, ты посмотри, летаешь? Мы научились летать в небе, как птицы, плавать в океане, как рыбы, теперь осталось научиться жить на земле – как люди.

М а ш а. Княгиням лучше нас жилось. приняла красного на грудь, отправила голубя холопу с признанием в любви, птица в пути издохла – наутро как ни в чём ни бывало, не стыдно людям в глаза смотреть.

М а р т. Шутить изволишь? Про княгинь вспомнила, ну, и шуточки у тебя, прям доисторические! Сова, а ты какая птица ночная или дневная?

М а ш а. Я сегодня никакая!

М а р т. Кому это ты там в любви признаваться надумала?

М а ш а. А хотя бы и надумала, что с этого, нельзя, что ль в любви признаться?

М а р т. Если честно, тоже хочу научиться летать, но у меня это, наверняка, не выйдет.

М а ш а. Попробуй, на свете нет ничего невозможного, я знаю.

М а р т. Попытаюсь, обязательно скажу, если получится.

М а ш а. Ночью кажется, где-то рядом, совсем близко, бродит серохоботый мамонт.

(На стене появляется тень, слышны чьи-то шаги). Слышишь? Он приближается. *(Маша играет на варгане, горловым пением подражая звериному вою и топоту).*

М а р т. Неизвестно, кто на каменной тропе меж скал раздувает эту снежную пыль, может, всего лишь ненасытный ветер трубит на крыше.

М а ш а. Что я тебе могу на это сказать? Могу только с тобой согласиться, ты ж такой умный, знаешь всё на свете, в правом кармане у тебя на всё припасён готовый ответ! Не зря выбрала себе такого мужчину *(гладит его по плечу)*, как всегда, ты прав, скорей всего, ветер и есть этот самый ледяной рёв самого мамонтейшего мамонта.

М а р т. Ледники, мамонты, пустыни – это всё твои большие фантазии, в которые постепенно тоже начинаю верить. Находясь в замкнутом пространстве, волей-неволей перенимаем многое друг у друга, твои отпечатки остаются на моей

коже запечатлёнными.

М а ш а. Скажи, это плохо, или как?

М а р т. Это данность, которую нам надо обоим принять.

М а ш а. Жизнь всё больше походит на игру, плохо только, что это игра не на рояле, хочу слышать музыку.

М а р т. На этот раз жизнь сыграла с нами очень злую штуку.

М а ш а. Ночные чёрные скалы напоминают дома, в скалах – пещеры, комната превратилась в настоящую пещеру.

М а р т. Перст судьбы! Чтобы выжить, надо принять условия жестокой игры. Этот мир придуман не нами, давай играть по правилам, которые не мы с тобой придумали.

М а ш а. Силы покидают меня, дальше тебе придётся играть уже самому.

М а р т (*беря её за плечи и встряхивая*). Не смей так говорить! Слышишь? Приказываю, ты должна, просто обязана бороться!

М а ш а (*отклоняясь*). Не будь грубым, это не идёт тебе.

М а р т. Я – грубый? Это жизнь груба, ведь знаешь, жизнь – борьба.

М а ш а (*указывая на рояль*). Посмотри, рояль укоризненно смотрит на тебя, ждёт, когда пробежишь пальцами по клавишам. Осиротел, давно истосковался по твоим рукам.

М а р т (*раздражённо*). Откуда это всё берёшь, с потолка? Какой рояль, какая игра? Сейчас это невозможно (*подходит к роялю, дотрагивается до клавиши, одинокий резкий звук*

повисает в воздухе).

М а ш а. Ещё как возможно.

М а р т (*не может успокоиться*). Не представляю, как вообще такое могло прийти в голову (*отходит подальше от рояля*).

М а ш а. Похоже, скоро оставлю тебя одного в этой пещере. Ты готов к этому?

М а р т (*отворачиваясь и закрывая уши*). Прекрати, не хочу это слышать.

М а ш а. Привыкай, такова реальность, увы, это не бред и вовсе не моё болезненное воображение.

М а р т. Не говори так, мысли материализуются, не допущу такого (*гладит её рукой по голове, постепенно успокаиваясь*).

М а ш а. Ещё скажи, не простишь себе этого и виноват в случившемся, не вини никого в происшедшем, не надо, слышишь. Март, это данность, мы остановились у последней черты, давно пора понять, что человек не всемогущ, но, запомни, рояль должен опять играть!

М а р т (*стараясь сдерживаться*). Заладила одно и то же, сколько можно? Играть, играть... говоришь это не к месту, не та ситуация сейчас.

М а ш а. Хочешь, больше не буду, клянусь, но я всё ж беспокоюсь за тебя, как это ты один будешь бороться с мамонтом?

М а р т (*ласково склоняется над ней*). Слава Богу, мо-

гу ещё это делать, в состоянии гладить тебя и вспоминать твои шелковистые волосы (*гладит её волосы*) и всё остальное. Женщина в жизни мужчины только одна, все другие – лишь её тени.

М а ш а. Неужели?

М а р т. Да, моя хорошая, это так.

М а ш а. Ты сказал «остальное»? Снявши голову, по волосам не плачут, остаётся вспоминать, ведь всего этого уже не существует в природе, кануло в лету.

М а р т (*с упорством*). Нет, существует, я знаю.

М а ш а. Хорошо-хорошо, спорить не буду, как всегда, прав, упрямец, одно ясно. наступила зима, она похожа на огромную ледяную глыбу, айсберг. Наступил ледниковый период, конец света, Судный день, о котором написано в Библии.

М а р т. Опять начинаешь? Слышишь, лучше не заводись! Тебе самой не надоело, а? Ведь только клялась, что не будешь, обещала – выполняй!

М а ш а. Ирод клянётся, Иуда лобзает, да, им обоим веры нет. Обещала, но, как видишь, не держу своего слова, не могу не говорить, весь этот бред помимо меня засел у меня в мозгу, вот здесь (*стучит пальцем по своему лбу*).

М а р т (*примирительно*). Об этом дне и часе никто не знает, наши души соединяются в жизни, они же соединятся, когда мы умрём.

М а ш а. Это не совсем так, если на это посмотреть с дру-

гой стороны, каждый уходит в одиночестве.

М а р т. Чтобы ты ушла, должен уйти и я, сгинуть, как будто меня здесь не было вообще!

М а ш а. Все мы когда-то сделаем это, смерть – конец света для каждого, после нас ожидает божий суд. Время уже подошло близко, слушай (*прислушивается*), ангел скоро протрубит на небесах (*тихонько напевает*).

Как у нас-то в раю деревья растут,

Деревья растут кипарисовые.

Деревья растут кипарисовые,

На них птички сидят – птички райские.

М а р т. Смотрю, ты о рае потихоньку мечтаешь? А если его нет? И там будет также темно, как в склепе, как в этой комнате-пещере.

М а ш а (*прерывая его*). Оставь при себе то, о чём думаешь, что хотела сказать, я тебе уже сказала, в этой теме надо ставить большую жирную точку, давай об этом больше ни слова! (*берёт с тумбочки губную помаду и рисует на стене жирную точку, обводит её в кружок*). Любишься, теперь зри воочию, вот она – наша большущая точка, а это наше будущее – последняя черта (*рисует линию*), финиш.

М а р т. Только красной ленточки не достаёт, остальное всё есть. Можешь рисовать, что хочешь, всё, что за благорассудится, хоть точки, хоть запятые, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало. Не запрещаю, размалюй хоть все сте-

ны, прошу только, ради бога, не злись, не хватает нам ещё поссориться.

М а ш а. Сдаюсь! (*с трудом поднимая руки вверх*). Я – целиком за, слушаюсь и повинуюсь, мой господин, подай-ка лучше мне градусник.

М а р т. Где он?

М а ш а. Там (*указывает на стол*).

М а р т. Вот же он, тут почему-то и топор (*берёт в руки топор, трясёт им*). Вещь однако нужная, пригодится, надо крепче стиснуть зубы, рубить деревья каменным топором, как это делали первобытные люди.

М а ш а (*скрестив руки на груди*). Давай градусник, что-то опять голова разболелась! (*протягивает градусник*). Ссориться не будем, будем всё рубить каменным топором, сокрушим мир насилия и зла. (*В дверь постучали*).

КАРТИНА 2

(*Передняя завалена книгами, везде запустение, беспорядок. В дверях Председатель, Март открывает ему*).

П р е д с е д а т е л ь. Добрый день, если он добрый. Ну-с, Мартин Мартиныч, как вы поживаете? Заглянул на минутку.

М а р т. Вот и хорошо, здравствуйте, милости просим.

П р е д с е д а т е л ь. Только на секунду, не беспокойтесь, я ненадолго, дай, думаю, проведу. Как вы, как жена то ваша,

не поправилась ещё?

М а р т (*приглашая*). Всё так же, проходите! Что в дверях стоите? Извините за беспорядок, у нас холодно (*виновато разводит руками*), всё по-прежнему.

П р е д с е д а т е л ь (*не проходя в комнату*). Я не стану заходить, не хочу беспокоить жену вашу, вам сейчас не до меня. Доктора вызывали?

М а р т (*разводя руками*). Вызывали.

П р е д с е д а т е л ь. И что?

М а р т. Диагноз неутешителен (*опустив голову, тихо*). Очень плоха, сказали, дни её сочтены, ей не надо говорить об этом, не хочу, чтобы знала, не могу, это её убьёт.

П р е д с е д а т е л ь. Бойтесь сказать правду...

М а р т (*шёпотом*). Тогда умрёт её надежда. Тише! (*Март на цыпочках подходит к двери, заглядывая в комнату*).

П р е д с е д а т е л ь. Что, спит?

М а р т. Задремала, но это ненадолго. Кроме того, знаете ли, врачи ведь могут и ошибаться, сколько таких случаев, ложные диагнозы... Не верю им, не доверяю, Маша обязательно выздоровеет!

П р е д с е д а т е л ь. Да-да, конечно, поправится, всегда надо надеяться на лучшее. Так-так. Значит, неважные у вас делишки, значит, замерзаете?

М а р т. Окоченеваем потихоньку.

П р е д с е д а т е л ь. У всех дела плохи, а у вас, вижу, прямо-таки дело швах. У одного соседа вашего прибыток –

баржу старую приволок, топка отличная, ему теперь до весны хватит.

М а р т. Да, если целая баржа, то, пожалуй, хватит.

П р е д с е д а т е л ь. С лишком.

М а р т (*нерешительно*). Гм, пожалуй, действительно, с лишком будет.

П р е д с е д а т е л ь. А вы к нему подкатитесь под настроение. Так, мол, и так, супруга хворает, одолжите дровишек на растопку, может, подсобит по-соседски.

М а р т. Сами знаете, каков сосед-то, у него зимой снега не выпросишь. Спасибо, хоть воду даёт, ведь и воды-то у нас нет, трубы позамерзали, полопались.

П р е д с е д а т е л ь. Да что вода, из крана течёт, воды не жалко, за водой и ко мне приходите можете, налью полные ведра.

М а р т. Благодарю, вы очень добры к нам, без воды ведь не проживёшь (*разводит руками*).

П р е д с е д а т е л ь. Да, у соседа вашего больно не разгонишься. Куркуль он, куркулём и останется! С такими знаете, что надо делать? Была б моя воля, я б ему (*скрежещет зубами, сжимая кулаки*).

М а р т (*машет руками*). Что вы, зачем так? Об такого, как он, не стоит руки марать.

П р е д с е д а т е л ь. Да, такого и могила не исправит. Сочувствую, ох, как сочувствую, уж очень жалко мне вас, всё думаю, чем бы вам помочь, если что, не стесняйтесь, по-

простому.

М а р т. Спасибо на добром слове.

(Из соседней комнаты доносится голос Маши. Председатель прислушивается).

П р е д с е д а т е л ь. У вас гости, может, я некстати?

М а р т. Не обращайтесь внимания, это Маша проснулась. Когда она одна в комнате, иногда сама с собой разговаривает.

П р е д с е д а т е л ь. *(пожимая плечами)*. Да? Надо же, не знал, не знал, а я вам тут картофельных очисток принёс, можно лепёшки сварганить отменные, жену свою порадуете, ей питаться сейчас надо *(достаёт из-за пазухи)*.

М а р т. Ну, что вы, у вас же у самих дети, нам ничего не нужно.

П р е д с е д а т е л ь *(настойчиво)*. Обижаете, берите, когда дают, мне тут подфартило, по случаю в одном месте. Пойду, пожалуй.

М а р т. Спасибо, что зашли.

П р е д с е д а т е л ь. Что ж, мужайтесь, крепитесь, как можете, сейчас всем трудно, надо потерпеть, главное – зиму как-нибудь перекантоваться, весной оно полегче будет, сама природа – целитель.

М а р т. Спасибо, с пустыми руками никогда не приходите, а нам, видите, и угостить-то нечем.

П р е д с е д а т е л ь. Ничего мне не нужно, не за этим пришёл. Как это вас угораздило сюда перебраться, да ещё в зиму? Жили б на старом месте *(вздыхает)*, там у вас, говорят,

более-менее была обстановка, дрова припасённые, до весны б дотянули, а там уж, как бог даст.

М а р т. Кто ж знал, что такое случится!

П р е д с е д а т е л ь. Да, знал бы, где упадёшь, соломки б подстелил.

М а р т. Сами не знаем, как угораздило, не думали, так вышло. Судьба сюда занесла, на отопление очень рассчитывали.

П р е д с е д а т е л ь. Жизнь выкидывает нам фортеля. Бог в помощь, хорошие вы люди, учёные.

М а р т. Ну, какие ж мы учёные?!

П р е д с е д а т е л ь (*озираясь по сторонам*). Как же, книгу вас много.

М а р т. Да, книги – наши, остались только книги и рояль.

П р е д с е д а т е л ь. Что ж, играете?

М а р т. Нет, давно не играю, руки не слушаются (*встряхнул кистями*).

П р е д с е д а т е л ь. Это от расстройства, все болезни от нервов. Понятно, не до игры, сочувствую. А вы не стесняйтесь, сходите всё же к Обёртышеву, поклоняйтесь ему, они это любят, может, раздобрится по случаю прибýtка.

М а р т. Может, и раздобрится, кто его знает, а может, и нет, и такое возможно.

П р е д с е д а т е л ь. Что ему стоит помочь, людям надо помогать, вы ведь в затруднительном положении, бедствуете, грех не помочь-то, ведь не последнее доедает, всего при-

пасено.

М а р т. На целый взвод хватит.

П р е д с е д а т е л ь. Нелюдь, зверь, ничего человеческого, такие лишь бы свою утробу насытить, на чужой беде руки греют. Сейчас не боятся грешить-то, грешат напропалую, не страшатся и не каются (*мнётся у двери*).

(Из комнаты доносится голос Маши: «Март»).

М а р т. Может, всё ж зайдёте на минуту? Маша будет вам страшно рада.

П р е д с е д а т е л ь. Нет-нет, как-нибудь в другой раз, задержал вас разговорами, откланиваюсь, передавайте жене привет, пора и честь знать, соловья баснями не кормят.

М а р т. А за совет спасибо, схожу к Обёртышеву, а то ведь ни одного полена не осталось.

П р е д с е д а т е л ь. Да-да, следует умерить свою гордыню ради жены.

КАРТИНА 3

(Март заходит в спальню. Печь горит еле-еле. Маша по-прежнему лежит на кровати, откинувшись на подушки и закутавшись в одеяла и шкуру).

М а ш а. О чём это вы там говорили с Председателем?

М а р т (*подозрительно*). Ты не спала? О чем говорили? Всё о том же, о воде да о дровах. Предлагал воды, картофельных очисток вот принёс (*разворачивает пакет*), добрейшей

души человек.

М а ш а. Да, чудо-человек.

М а р т. Я поначалу отказывался, у него детишки, им и самим надо кормиться, но он настоял.

М а ш а. На таких земля держится.

М а р т (*кладёт пакет на стол*). Мир не без добрых людей, знаю, специально из-за этого зашёл. Какого человека Бог нам послал!

М а ш а (*садится, облокотившись на подушки, уперев руки в боки*). Значит, нас ждёт грандиозный ужин!

М а р т. Не ужин – целый пир закатим.

М а ш а. Смотрю на это, и грустно становится. Как пещерные первобытные люди боремся за существование, нами движут инстинкты, каждую ночь переносим свой костёр из пещеры в пещеру, всё глубже.

М а р т. И всё больше набрасываем на себя косматых звериных шкур, похоже, интуиция теперь у нас как во времена верхнего палеолита.

М а ш а. Отступаем из пещеры в пещеру, на Покрова заколотили кабинет, на Казанскую выбрались из столовой и забились в спальне. Из неё ни шагу не сделаю, мне отсюда уже никуда не выбраться, приют убогого чухонца, это моё последнее пристанище.

М а р т. Не будем о плохом, давай о хорошем, о нас. Ещё могу вспоминать тебя прежнюю, стала такой хрупкой, почти бумажной, словно тростинка на ветру колышешься.

(Маша берёт в руки зеркало, с грустной улыбкой смотрит в него и с отвращением бросает его на кровать).

М а ш а. Я – стеклянная женщина. Смотри, в любой момент могу треснуть и расколоться, осколки разлетятся по полу, будешь метлой выметать изо всех углов.

М а р т. Ты к чему клонишь?

М а ш а. А к тому... ну, подумай, разве о такой мечтал? Скажи, зачем тебе стеклянная женщина?

М а р т. Почём знаешь, о чём я мечтал? Я не говорил, что стеклянная, сказал, бумажная, это разные вещи. Что к словам придираешься? Вообще ничего нельзя говорить тебе, давай лучше молчать!

М а ш а. Можно молча сжечь меня, как куклу-моргунью.

М а р т. Опять за своё? Любой может сгореть, человек быстро воспламеняется. Знаешь это?

М а ш а. Ты прав, люди горят как свечи.

М а р т. Кто ярко пылает, быстро гаснет.

М а ш а. *(теребя его за руку, прижимаясь к ней щекой).* Март, забыл? Ведь завтра... вижу, про именины мои забыл совсем!

М а р т *(высвобождая свою руку, сосредоточенно)*. Огненная пасть разверзлась, поленья исчезают в топке.

М а ш а. Как искорки тают прямо на глазах.

(Март подошёл к чугунной печке).

М а р т. Р-р-а-з, д-в-а, т-р-р-р-и... че-т-ы-р-р-е...

М а ш а *(глядя в окно)*. В ноябре листья пожухли, сник-

ли и обледенели, превратились в острые сосульки. А я верю, что ещё будут на этом свете синеглазые дни. В такой день надо запрокинуть голову, чтоб не видеть земли, одно небо, только небо. Можно поверить, что вокруг ещё радость, лето искрится, оно продолжается, это наша с тобой огромная вселенская вечность.

М а р т (*закрывая глаза*). Когда закрываю глаза и слышу твой голос, верю – ты прежняя и сейчас споёшь или засмеешься.

М а ш а. Ты говоришь приятные вещи. Вот возьму и от удовольствия замурлыкаю, ведь я из породы кошачьих.

М а р т. Встанешь с постели, обнимешь как прежде. Проснувшись, сварить себе чашку крепкого кофе, своему чёрному-пречёрному коту нальёшь в блюдце кипенно-белое молоко. Ты упряма, горда, решительна, привлекательна, тебя ненавидят, боятся, обожают, тобой восхищаются, на тебя все обращают внимание. Ты – гроза, тайфун, землетрясение, буря, ты – невесомость, река, дорога, волна и сила. Кошачий взгляд, кошачьи повадки. Ты – моя львица из породы кошачьих (*обнимает её*).

М а ш а (*укоризненно*). Ай, Март, Март! (*горловым пением раздражает птице*). Всё это было так давно, что уже успело обрасти мхом и превратиться в небылицу и неправду.

М а р т (*открывая глаза*). Ножом по стеклу! Это не твой голос, он чужой, такой невысказанно далёкий, ненастоящий.

М а ш а. Да, такой голос у меня, он изменился, погрубел,

не могу уже взять верхние ноты.

М а р т. Ну, и пусть, уже привык к твоему фальцету.

М а ш а. Как всё стирается из памяти, раньше ведь никогда не забывал, двадцать девятое – день Марии, мой праздник.

М а р т (*поправляя её*). Наш праздник, всё помню, но этот день ещё не наступил, ещё есть время.

М а ш а. Время до чего, что-то задумал? Понимаешь, Март, если б завтра затопить с утра, чтоб весь день было как сейчас! А? Сколько у нас там в записке поленьев осталось?

М а р т (*поразмыслив*). Ну, в полярном кабинете с полсажени ещё есть.

М а ш а. Говоришь как-то неопределённо, поточнее, пожалуйста.

М а р т. Поштучно устроит? Р-р-аз, д-в-а, т-р-р-и... ч-ты-р-р-е...

М а ш а. Мелодично получается, подыграй на рояле.

М а р т. Подыграть? Ты шутишь?

М а ш а. Вовсе нет, мне надо точно знать, чтобы дальше планировать свою жизнь.

М а р т. Что ж планируй, сказал же, сколько осталось.

М а ш а. Не сердись, как же ты не можешь понять, это важно.

М а р т. Не оправдывайся передо мной, не стоит, каждый волен делать то, что хочет, смело можешь строить планов громадье.

М а ш а. Даже так? Но нас ждёт непредсказуемое.

М а р т. Как бы это ни было прискорбно, это так, всё зависит от воли судьбы.

М а ш а. Смотрю, ты стал фаталистом. Жаль, не могу добраться до полярного кабинета, не знаю, что там творится, обязательно ревизию б навела, шмон устроила, все поленья посчитала бы, потрогала бы их руками, погладила, не побо- ялась бы даже заноз, сложив все их в кучку.

М а р т (*шутливо передразнивая, щёлкая по её носу паль- цем*). Если бы, да кабы, во рту выросли б грибы, вот такие (*разводит руки*).

М а ш а. Интересно, какая горка бы получилась?

М а р т. Я бы... опять быкаешь, любительница сослага- тельного наклонения.

М а ш а. О, большущая горка, огромная кучка, попро- бую себе её представить, соорудить в воображении (*зажму- рилась*).

М а р т (*обнимая её*). Прямо-таки целую полено-филосо- фию развернула, мастер умных предположений, Умная Эль- за! Ганс пришёл к ней свататься, а её послали за пивом в по- гроб.

М а ш а. Увидела на стене мотыгу, кажется?

М а р т. И начались волнения на пустом месте. Короче, суть в чём, не стоит из ничего совершать глупости, раздувать из мухи слона, ну, или мамонта, если говорить на твоём те- перешнем языке, так ты, кажется, любишь изъясняться в по- следнее время.

М а ш а. Не стоит преждевременно впадать в панику, согласна.

М а р т. Я ж сказал тебе, всё в порядке, не дрейфь. Дрова есть ещё, как раз на твои именины осталось, есть некая заправка, всё распланировал заранее. Усекла, или ещё раз повторить?

М а ш а. Некая? Прошу, не злись! Распланировал, значит? Узел становится туже, затягивается, превращается в удавку, всё сжимается! Полсажени? Больше, думаю, там...

М а р т (*перебивая*). Сказал же, р-р-раз, два, т-р-р-и, четы-р-р-р-е. Яснее ясного. Тебе пропеть что ли?

М а ш а (*хмуро*). Не верю! Так когда-то говорил Станиславский. Уже произнёс как-то по-другому, без энтузиазма, интонация даже изменилась.

М а р т. Копаешься в оттенках? Режиссер тоже мне ещё выискался! Не придирайся к тому, как произнёс, не суть важно. Главное, сказал, и от этого уже не отступлю ни шагу, клянусь!

М а ш а (*примирительно*). Хорошо-хорошо, согласна, верю, пусть будет по-твоему. На завтрашний день, значит, хватит.

М а р т (*хмуро*). Сказал, хватит, зачем двадцать раз об одном и том же твердить.

М а ш а. Достаточно, что-то устала от этих выяснений и пререканий, от этого у нас дров ведь не прибавится.

М а р т. Отдохни, я укрою тебя, не буду тревожить по пу-

стякам (*укрывает одеялом*), т-с-с-с (*прикладывает палец к губам*). (*Маша без сил падает на подушки и засыпает*).
Всё будет, как договорились (*сжимает кулаки*) чего бы это ни стоило.

(Маша что-то бормочет во сне или в бреду).

М а ш а. Зеркало... дайте мне его сейчас же! Дайте, я разобью его дребезги, я сильная, всё осилю... уйдите все... За мной придёт мамонт, уступите дорогу! Дайте белое платье моё, то самое... Наденьте, наденьте его на меня, хочу быть в платье, в том самом, как тогда, на свадьбе. (*Март стоит у изголовья кровати, стиснув зубы, сжимая кулаки*).

КАРТИНА 4

(Лежа на постели, Маша читает письма, разбросанные по постели, она несколько взбодрилась и повеселела. Март возится с чем-то в углу).

М а ш а. Мои письма – к тебе, боже, какая же я была смешная и наивная девочка.

М а р т (*обнимая её*). Изумительная, моя любимая девочка! Тогда я ставил тебе одни пятерки! Хороший был у тебя учитель?

М а ш а. Хороший-хороший. Знаешь, читаю, а у самой сердце стучит по-сумасшедшему, вот-вот из груди выпрыгнет. Всё так отчетливо, прозрачно и ясно, будто с тех пор не пять лет прошло, а было это лишь вчера.

М а р т (*оживлённо*). Была у зайца избушка лубяная, а у лисы – ледяная. Они очень дружили, и заяц писал лисе письма со своей Лубянки на её Чукотку.

М а ш а. Я оценила твой тонкий юмор. Как чудно, у нас ещё целый день впереди.

М а р т. Можем многое сотворить, да мы ещё с тобой горы свернём!

М а ш а. Целая вечность! Давай помечтаем, как проведём этот радостно-тёплый день, с чего начнём?

М а р т. Опять встретимся, сделаем вид, что не знаем друг друга, всё начнем сначала.

М а ш а. Мы увиделись как раз в этот день, надо же, какое совпадение! Помнишь нашу встречу?

М а р т. К чему задавать такие глупые вопросы, неужели я что-то забыл? Конечно, помню, это уже в крови, не вычеркнешь из памяти.

М а ш а. Сказала просто так хочу, чтоб подтвердил, может, в последний раз, чтоб лишний раз убедиться. Пытаюсь соединить воедино осколки разбитого зеркала (*собирает что-то в постели, складывает*), а пазлы никак не сходятся. Пожалуйста, не будь букой.

М а р т. Это я – бука?

М а ш а. А кто же ещё у нас бука? Последнее время такой угрюмый, сосредоточен на собственной персоне. Замечаю, меня почти не видишь, не хочешь даже слушать. О чём ты сейчас думаешь? (*напускается на него*). Признайся, открой

жене свои тайны, знаю, что-то скрываешь от меня.

М а р т. Нет у меня никаких тайн, ничего не скрываю от тебя. Вот он я, весь перед тобой как духу, у тебя на ладони, прочти меня как раскрытую книгу, я – твоя забытая книга, вот твоя закладка (*протягивает ей листок*).

М а ш а (*грозя пальцем*). Милый, от меня тебе не удастся ничего утаить, вижу насквозь!

М а р т (*уклончиво*). Маша, у нас много будет ещё таких дней.

М а ш а (*обнимая его*). Забыл, ну же, каких? Подсказываю. радостно-тёплых.

М а р т. Да, таких тёплых, радостно-тёплых, это хорошо, как раз в точку, в этом – все наши неисполнившиеся желания, мечты.

М а ш а. Надежды... Рада, что понравилось и по достоинству оценил филологический подход к теме.

М а р т. Я оценил, обязательно что-то придумаю, чтобы было тепло и радостно одновременно, в одном флаконе. Как только отпразднуем твои именины, с моей стороны будут реальные действия, переломим ситуацию, верь мне, ты должна, просто обязана верить.

М а ш а. Обязана? Как-то странно! Хорошо-хорошо, ожидаю от тебя мужественных поступков, верю, нас ждут великие свершения.

М а р т. Почему ты так на меня смотришь, не веришь что ли?

М а ш а. Ради бога, успокойся, не цепляйся, пожалуйста, по пустякам, отзынь на лапоть.

М а ш а. Когда это я не оправдал твоего доверия, ну, скажи, такое разве было хоть раз в жизни?

М а ш а. Теперь поняла, о чём это ты всё время думаешь, наконец узрела. Прости, что такая нечуткая женщина, а вообще все мы, женщины, по своей натуре стервы.

М а р т. Нашла оправдание, вот и замечательно! Теперь успокоилась? Договорились, остановимся на этом, моя нечуткая женщина, стервоза (*обнял её*).

М а ш а. Господи, как же я ненавижу эту кровать, видеть её не могу больше!

М а р т. У бога с дьяволом дела поначалу шли прекрасно, пока один хитромудрый не сходил в ад на небеса и вернулся обратно.

М а ш а (*не слыша*). А когда-то любила понежиться в постели, поваляться, ведь было ж такое, аж, не верится, как давно это было, кажется, не в этой жизни.

М а р т. Было, всё у нас с тобой было, и жизнь у нас одна, а не две, как ты себе мыслишь, ведь не буддисты же никакие. У них, например, есть такая притча, ты наверняка её не знаешь.

М а ш а. Не знаю, почему ты так думаешь?

М а р т. Потому что у этой книги неразрезанные страницы, она на самой верхней полке, ты дотуда не дотянешься, ростом не вышла (*щёлкает её по носу*). Семь слепых мудрых

слонов пытались понять, на что похожи люди, решили определить это опытным путём. Первый мудрый слепой слон потрогал человека и объявил. «Люди плоские». Остальные, тоже потрогав человека, согласились с ним.

М а ш а. Не уразумела, ты это к чему клонишь? Эта твоя глубокомысленная притча на неразрезанных страницах совсем на меня не произвела впечатления. Нирвана доступна всем. Чем это тебе просветленный Будда не угодил?

М а р т (*многозначительно*). Вообще-то, если откровенно, мне, например, не симпатичны плоские люди.

М а ш а. Как замысловато, однако, ах, вот что ты, оказывается, хотел этим сказать! Изъясняйся проще, не накручивай ненужных спиралей и не подпускай тумана, пожалуйста.

М а р т. Да, мне ближе тантрический буддизм (*обнимает её*). Женские духи, дакини – носительницы тайных учений.

М а ш а (*высвобождаясь*). Не чуди, давай об этом не будем, это всё сейчас не к месту... Мечтала, чтобы нырнул ко мне под одеяло и ещё чтобы играл Скрябина, чтоб звучала тема разума и движения. Теперь понимаю, что он хотел сотворить мир через его уничтожение.

М а р т. Всем сердцем жаждал пробуждения дремлющих сил природы и хотел подчинить их власти и воле человека. Мир ведь рождён из сопротивления, которого он сам захотел.

М а ш а. Жизнь – преодоление этого сопротивления. То было начало наших отношений, начало нашей музыки, тогда

мы были Адамом и Евой, излучали жар. Как нам было тепло, наши души грели друг друга, мы купались, погружаясь друг в друга.

М а р т. Подожди немного, моя хорошая, согреешься, за-топлю печь, станет тепло, совсем скоро в нашей пещере появится великое огненное чудо.

М а ш а. Веришь, что появится?

М а р т. Конечно, обязательно, будешь протягивать к нему свои озябшие руки.

М а ш а. Тогда оно, наверняка, будет гудеть в нашей печи, будет мешать нам спать.

М а р т. Ну, тебе трудно угодить, дорогая, ты у нас капризуля, таких называют женщина с характером.

М а ш а. Неужели? Не знала этого, если честно, хочешь, наконец во всем сознаюсь? Слабо в это верю, точнее, не верю совсем.

М а р т. Ничуточки?

М а ш а. Ни капелюшки, а разве ты искренне это говоришь? Сознайся, сочиняешь ведь? Потихонечку из мухи слона или даже мамонта раздуваешь – использую иносказание, наш условный язык. Сам же об этом сказал, упорно делаешь вид. Это твои фантазии, а ещё говоришь, что я фантазерка.

М а р т. Надо почувствовать всем сердцем, всей душой, иначе ничего не получится. Огненное чудо – теперь наш бог, хочу, чтобы уверовала в него, и я буду верить.

М а ш а (*силясь улыбнуться*). Заставляю себя надеяться

на лучшее, стараюсь изо всех сил, но у меня это плохо получается, научи, как это – верить чуду. Я такая беспомощная, превратилась в маленькую девочку, куклу, мне очень нужна чья-то помощь, сама уже не справлюсь, слишком тяжёлый камень. Дай возьму тебя за мизинчик, так когда-то в детстве ходила с отцом, взяв его за палец (*беря его за мизинец, а потом убирая свою руку и пряча за спину*). Жаль, это уже не повторится в жизни никогда.

М а р т (*подходя к печке*). Конечно, моя куколка, трудно ведь, чугунная печка – жадный пещерный бог.

М а ш а. Представь, такой коротконогий, ржаво-рыжий, приземистый.

М а р т. Дальше отступать некуда, надо выдержать испытания, они посланы свыше... значит, так было надо.

М а ш а. Кому-то... Через томление и полёт стремимся к далёкой звезде. Скрябин. Поэма огня и экстаза – симфония света, движение огня, порывы солнца. Где эти звуки, неужели они исчезли, испарились? (*играет на варгане*).

М а р т. Переместились, движутся в других мирах, значит, живы.

М а ш а. Интересно, там их кто-нибудь слышит, или нет, может, только нам предназначались? Как думаешь, вернётся ли музыка?

М а р т. Конечно. Ты сомневаешься?

М а ш а. Сейчас наши души холодны, спустились с небес на грешную землю и теперь как две холодные льдины погру-

зились в холодную реку.

М а р т (*шевелия уголи*). Не будем терять надежды, едва тлеющее под пеплом пламя разгорится ярче.

М а ш а (*прикладывая к губам палец*). Последние надежды... тсс! Тише! (*прислушивается*). Слышу звуки, помолчи. Кажется, улавливаю, может, это последняя наша с тобой музыка (*играет на варгане, горловым пением подражает птице*).

М а р т (*прислушиваясь*). Тоже слышу (*они на несколько минут замолкают. Едва слышно звучит музыка. Маша смотрит в окно, в котором видны звёзды*).

М а ш а. Как я надеюсь, что когда-нибудь в этой пещере ты всё же сыграешь на рояле для меня одной. Пообещай мне!

М а р т. Всё сделаю, что пожелаешь, лишь бы завтра опять была со мной рядом.

М а ш а. Какой же ты у меня глупенький, ну, что ты такое говоришь, обязательно буду, я ведь никуда не денусь. Понимаешь? Ни-ку-да не де-нусь.

М а р т (*радостно*). Ты это серьёзно что ли, не шутишь?

М а ш а. Не шучу, так на самом деле произойдёт, сам увидишь – буду весёлая. У меня мечта – чтоб было тепло, хоть один единственный денёк, ты обещаешь мне это, да?

М а р т. Обещаю, клянусь, так оно и будет.

М а ш а. Тогда последняя просьба, больше ни о чём не стану просить.

М а р т. Не зарекайся, никогда не говори «никогда». И что

это за просьба у нас такая последняя?

М а ш а. Достань-ка из шкафа моё свадебное платье, то самое... это мой ангел-хранитель. Скорей выпусти его на волю, как птицу, пусть полетает по комнате, негоже ему так долго томиться в заточении.

М а р т. Конечно, достану, выпущу эту птичку, пускай полетает, что за вопрос. Видишь, я даже не сопротивляюсь. Хотя оно и красивое, и я сам тебе его выбирал, сейчас твоё подвенечное платье нам ни к чему.

(Он подходит к шкафу, достаёт подвенечное платье, кладёт на кровать. Она прикасается к нему руками, рассматривает, расправляет складочки, гладит).

М а ш а. Правда, ведь действительно... это ангел!

Ангел смотрел мне вслед, обещал мне любовь и успех, Сохранит ли нас от бед, и хватит ли ангелов на всех...

Так давно не видела его, как же я соскучилась по нему, прям-таки истосковалась. Повесь его на самое видное место *(показывает на шкаф)*. Туда, наверх! *(Март вешает под самый потолок, на дверцу шкафа)*. Да-да, под самый потолок!

М а р т *(вешая платье на шкаф)*. Сюда что ли?

(Платье раскачивается туда-сюда, раздуваемое невидимым ветром, трепещет).

М а ш а. Да-да, чудесно! *(радостно хлопая в ладоши)*. Наконец я вернулась, взлетела, в нашей комнате появилась я – настоящая – та, которой была когда-то, которую ты любил, это было давно.

М а р т. Но это было, ты не можешь этого отрицать.

М а ш а. Как кружится голова, как на качелях! Смотри (*показывает на платье, раздуваемое ветром*), оно как живое летит, парит над нашей комнатой, и я с ним вместе парю. Это бал со сногшибательным вальсом. Хотя я его не надела, но мы уже вместе, мы слились. Во что бы то ни стало должны попасть туда, где были – на седьмое небо, там свет и гармония, точно знаю, мы непременно вернёмся туда.

М а р т. Приходят на ум образы движения? Развивай их, ведь ты – сама гроза.

М а ш а. Это ты грозный, Зевс-громовержец прямо-таки.

М а р т. Ты льстишь, всё же я не грозное божество, а только любящее тебя.

М а ш а. Неужели помнишь о любви?

М а р т. Да, помню, чувствую каждой своей остывшей клеткой.

М а ш а. Я есть моё хотение, внушаю себе это, вернее, силюсь внушить.

М а р т. Проецируешь на себя ницшеанские идеи о сверхчеловеке?

М а ш а. Убедена, возможно создать свой мир и с головой погрузиться в него, как в море. Хочу плыть по морю (*закрывает глаза*).

М а р т. ...которое сама придумала. Какая ты придумщица у меня!

М а ш а. Плыву сама с собой (*гребёт руками*), привыкаю

к этому состоянию, играю с волной, вокруг меня солнечные блики, смотри, радуга! Всё так правдоподобно и радостно, мне хорошо (*открывает глаза*). Как хорошо стало на душе, теперь вот и оно со мной (*указывает на платье*), мне стало гораздо легче. Жаль, что оно безликое, у него нет лица, но я его придумаю, нарисую.

М а р т. Р-р-р-аз, два, тр-р-и, четыре... четыре.

М а ш а. Погружен в реальность, всё поленья считаешь? Как это мудро и предусмотрительно!

М а р т. Их надо считать, это наша последняя надежда.

М а ш а. Лицо у тебя какое-то скомканное, как из глины.

М а р т (*отвернувшись*). Теперь у многих на этом свете глиняные лица, как у кукол, с которыми теперь начала играть (*кивает в сторону платья*).

М а ш а. Тогда пора покидать этот мир. Да, я – кукла, и она тоже... моя безликая плоская кукла – плоский человек, которого, как ты рассказывал, трогали мудрые слоны (*показывает на платье, которое начинает шевелиться*).

М а р т. Так, значит, всюду куклы, говоришь? А знаешь, ведь в этом что-то есть, какая-то доля сырмяжной правды.

М а ш а. Смотри, лица нет, но она, ты видишь, кивает мне, хочет что-то сказать. Мы должны покинуть этот мир вместе, рука об руку (*берёт рукав платья*).

М а р т. Не спеши туда, откуда уже нет возврата, оттуда ещё никто не возвратился.

М а ш а. А Христос? Он ведь вернулся.

М а р т. Да, он сошёл с небес на нашу грешную землю.

М а ш а. У тебя лицо старика, пожухлые, сникшие губы (*трогает его лицо руками*), уголки губ опустились, глаза ввалились, теперь они где-то далеко от меня, застряли в глупине, в пропасти. Напоминаешь мудрого древнегреческого старца (*указывает на бюст философа, стоящего в углу*).

М а р т. А твои глаза всё те же, они по-прежнему блестят, сияют и радуют. Мы ещё с тобой покарабкаемся по скалам. Ровно десять.

(Вдруг появился свет. Март зажмурился. Маша прикрыла голову руками).

М а ш а. Хитрец ты, однако! Теперь наконец до меня дошло, какая же я, однако, тугодумка, ведь не поленья ты считаешь, а время, которое нам с тобой отведено.

М а р т. Мне всё равно, сколько их осталось, поленьев и дней, не хочу знать этих страшных чисел. Зачем это теперь?

М а ш а. Да, уже ни к чему, чувствую, стала быстро уставать от каждого произнесённого слова, устаю от боли.

М а р т. Милая, тебе больно?

М а ш а. Ничего-ничего, скоро всё пройдет. Хочу увидеть счастливый сон (*откидывается на подушку*).

(Прозрачный шлейф от платья летит по комнате).

КАРТИНА 5

(Комната преобразилась, засияла люстра, подвенечное

платье стало лиловым).

М а ш а. Оказывается, при свете гораздо труднее жить, чем в темноте.

М а р т. Всё прозрачно, ясно видно, как на ладони.

М а ш а (*обращаясь к платью*). Сегодня очень хорошо выглядишь, просто превосходно! Тебе идут эти светло-лиловые экзотические оттенки, небесные тона. Да, это же цвет фуксии (*рассматривает платье*).

М а р т (*озадаченно*). Что-то новенькое, ну, и придумала, теперь как с куклой с ним будешь разговаривать? Может, я здесь лишний?

М а ш а (*жмурясь*). Что ты такое говоришь! Втроём гораздо веселей. Разве не так, не замечаешь?

М а р т. Ты что это серьёзно?

М а ш а. Вполне, но обещаю в твоём присутствии больше с ней не общаться. Не стану тебя пугать, буду говорить с ней, когда останусь одна и слишком тоскливо станет. Договорились?

М а р т. У меня что, разве есть выбор? (*пожимает плечами*) Договорились.

М а ш а. Кстати, Март, кажется, до этого платье немного не так висело? (*показывает на платье*). Ты этого не находишь?

М а р т (*пожимая плечами*). Не заметил никаких изменений, как прежде висело, так и сейчас висит. Давай лучше

не будем об этом, не будем углубляться в дебри!

М а ш а. Согласна, давай не будем! Свет – как будто с воли залетевшая в комнату птица, бестолково, слепо тукается в стекла, стены. Мы с этой птицей столкнулись, а потом попали под её крыло (*играет на варгане, горловым пением подражает птице*).

М а р т (*воодушевляясь*). У этой твоей птицы лапы или ноги?

М а ш а (*отворачиваясь*). На глупые вопросы не отвечаю.

М а р т. Какие же они глупые, они жизненные. Если у тебя бабочки в животе, совсем не обязательно это любовь, возможно, ты просто птичка.

М а ш а. Ты же знаешь, я и ответить могу, тоже шутить умею.

М а р т. Не разучилась ещё? Это похвально.

М а ш а. Бывает, проснешься, как птица, крылатой пружиной на взводе.

М а р т. Молодец, оценил, не совсем, правда, в тему, но это уже кое-что! У тебя, вижу, своя птичья история прорезалась, одобряю, зачирикала, продолжай в том же духе, старайся, как следует! Но я тебя всё равно переплюну (*подходит к ней*). Закрой глаза (*она закрывает глаза*).

М а ш а. Ну, закрыла.

М а р т. Представь, что сидишь у реки, вдыхаешь горный воздух, слышишь пение птиц, никто, кроме тебя, не знает об этом укромном месте, ты огорожена от мира. Звуки во-

допада наполняют тебя спокойствием, умиротворяют, вода чиста и прозрачна, как слеза младенца. Ты можешь хорошо разглядеть лицо человека, которого держишь под водой (*он на цыпочках подходит к ней сзади*). А потом оказывается, что это был я. Страшно?

М а ш а. Не можешь без жутиков, просто неисправим, но меня твоими страшилками не проймёшь, не запугаешь (*зажмуривается*). Вокруг, откуда ни возьмись, такое сиянье!

М а р т (*обнимая её*). Знаю, так бывает!

М а ш а. Не бывает, а есть на самом деле, аж, глазам больно смотреть на всё это великолепие! Захотелось покачаться в саду в гамаке под огромным раскидистым деревом, чтобы солнце просвечивало сквозь листву. Только ради этого стоит жить дальше!

М а р т. При свете не получится долго заблуждаться, всё выходит наружу, проясняется, скрытое становится явным и осязаемым.

М а ш а. Нельзя скрыться от солнечных лучей, ничего не утаить, всё на виду.

М а р т (*радостно*). Это же просто здорово, твои фантазии наконец разбежались по углам, попрятались, как тараканы.

М а ш а. Сам ты похож на таракана, хорошего такого весёлого таракашку, который радостно нежится на припёке!

М а р т. Смотри внимательней, нет ли здесь подвоха, нет ли ещё кого, вошки там, или блошки. Видишь, один чер-

вьячок, да и тот золотой. бить или на волю пускать?

М а ш а. Давай скорее выпускай его на волю, не мучай! А знаешь, Март, хочу попробовать, может, встану, если затопишь с утра, свет всё же пробьётся в нашу пещеру.

М а р т. Это хорошо, нас ещё не покидают желания, значит, мы живём. Маша, не сомневайся... такой день... Конечно, – с утра затоплю, и ты встанешь, будет, как хочешь, всё задуманное исполнится. Я всё сделаю сам ради тебя, всё своими руками.

М а ш а (*закрывая ему рот рукой*). Молчи, не говори об этом, знаю (*тревожно*), завтра должно что-то произойти, чувствую, что-то случится, у меня на душе тревожно.

М а р т. Не давай волю предчувствиям и страхам, завтра будет завтра, а сегодня – это сейчас, надо ловить мгновенья!

М а ш а. Пусть будет всегда сейчас, не хочу завтра. Пещерный бог съезжился, затих, копошится там, сопит в две дырки, противный такой (*прислушивается*).

М а р т. Почему в две, а не в четыре, и почему он противный? Он хороший, поможет нам, это свой парень. Скоро подкормим его, поболтаем о том, о сём, обязательно найдём с ним общий язык!

М а ш а (*прислушиваясь*). Слышишь? Жив курилка, потрескивает да пощёлкивает, ждёт, чего-то выжидает.

М а р т (*показывая пальцем наверх*). Это не он, это наверху, Обёртышев каменным топором разбивает коряги старой баржи, которую ему удалось раздобыть. Колет на куски, зна-

чит, будет много поленьев.

М а ш а (*отрешённо*). Но это ведь наш каменный топор, зачем он его взял у нас? Баржу, говоришь, раздобыл? Промысловый!

М а р т. Да, Председатель сегодня сказал мне об этом. У него свой каменный топор есть, надо же, как подвезло, вот у кого теперь дров немеряно (*замолкает*).

М а ш а. Значит, скоро у нас будет тёплый потолок (*улыбается*), это обнадеживает, есть чему порадоваться. Почему отворачиваешься, не смотришь мне в глаза? Будто сам не свой, что случилось?

М а р т. Просто не могу смотреть на свет, при свете мне трудно.

М а ш а. Этот Обёртышев настоящий буржуй, себе на уме, хитромудрый. Не люблю я его, хотя в общем он ничего плохого нам не сделал.

М а р т. Ушлый, скользкий чёрный угорь.

М а ш а. От такого надо подальше, с ним на лодке, не приведи бог, в открытое море, столкнёт веслом в воду, и глазом не моргнёт.

М а р т. Верно, пожалуй, так оно и есть на самом деле, пойду смолю картофельную шелуху.

М а ш а. Пойди, пойди, у нас завтра намечается вкусный ужин!

М а р т (*бормоча под нос*). Впрочем, ещё успеется, не сейчас.

М а ш а. Я в предвкушении, у меня уже вкусненько в животике, буду держаться, надо дотерпеть до завтрашнего дня.

М а р т (*давая ей жмых*). Пососи жмых, будет легче.

М а ш а. Где ты раздобыл его?

М а р т (*неопределённо махнув куда-то*). Там.

М а ш а. Темнишь? Всё-то скрываешь... Какой-то скрытый стал, не слишком разговорчивый.

М а р т. Где бы дров... р-р-р-аз, два, т-р-р-и (*сбивается*), четы-р-р-е... где бы дров – где бы дров...

М а ш а. Добытчик, цифры, которые всё время повторяешь, страшные, зловещие (*смотрит на стену*). Вижу их, эти жирненькие циферки-поленья с ножками.

М а р т. А что, и, правда, похожи на дровишки, с воображением у тебя всё в порядке!

М а ш а. Давай запишем их на стене, как на доске в школе. Когда бросим в топку, вычеркнем (*стала карябать на стене цифры*).

М а р т. Тоже ещё придумала ерунду какую-то.

М а ш а. Ты же разрешил мне писать на стене.

М а р т. Эти цифры – мои четки, которые перебираю, чтобы сосредоточиться. Внутренний ритм помогает жить, заменяет мне музыку.

М а ш а. Неужели?

М а р т. Да, могу отстукивать его (*стучит пальцами по столу*) как на барабане. На сковородке даже лучше получится (*берёт сковородку и стучит по ней*).

М а ш а. Ну, если надо, если поможет, тоже буду считать. Р-р-р-аз, два, т-р-р-и, четы-р-р-р-е (*стучит*). Как, получается?

М а р т. Хорошо выходит. (*Март барабанит пальцами по сковороде*).

М а ш а. Такая вот музыка у нас, дуэт папуасов.

М а р т. Просто замечательно!

М а ш а (*задумчиво*). Нужно успеть раскаяться во всех своих грехах. Мой первый грех в том, что у нас нет детей, а ведь могли быть.

(*Март надевает пальто, подпоясывается веревкой, в углу гроыхнуло ведро*).

М а ш а. Ты куда это засобирился, Март? Только что хотел молоть картофельную шелуху. Передумал?

М а р т. Пока ты в грехах каешься, схожу за водой. Туда и обратно, надо как следует её вымыть.

М а ш а. Сходи, сходи, хозяйственность не повредит в нашем случае.

М а р т. Скоро вернусь, не скучай! Пока-пока (*машет рукой*).

М а ш а. Хорошо, постараюсь, я старательная девочка.

М а р т. Этого у тебя не отнять, усердная школьница, старайся, как следует, если хочешь получить завтра подарок.

М а ш а. Как догадался? Очень хочу заслужить, буду делать всё, что прикажешь. Можешь давать поручения, всё будет выполнено на пять с плюсом (*прикладывает руку к ко-*

зырьку).

М а р т. Какое взаимопонимание! Почти с полуслова понимаем друг друга, ты только скажешь «а», я тут же «б» тебе в ответ.

М а ш а (*смотря на стену*). Единодушие, я бы сказала. Р-р-аз, два, т-р-р-ри... четы-р-р-е! Мы одни с тобой в квартире, в целом-целом мире.

М а р т. Пускаешь в ход скороговорки и стишки. Сознаться, обольщаешь?

М а ш а (*устало*). Иди-иди, куда собрался, а я пока прилягу, отдохну, к твоему приходу буду как огурчик, тогда и поговорим. Ах, как кружится голова, как же она кружится, всё вокруг аж ходуном ходит. (*Март выходит с ведром в руках*). Ничего, вот уже и прошло, кажется. Так ведь? (*подмигивая, смотрит на платье, оно слегка шевелится, будто наклоняется к Маше*). Извини, нет больше сил говорить, как-нибудь в другой раз с тобой поболтаем, у нас ещё есть для этого время (*откидывается на подушку*).

(*Платье начинает шевелиться, двигаются рукава. Женский голос меццо-сопрано напевает колыбельную. Платье в такт музыке раскачивается*).

Спи, моя радость, усни!

В доме погасли огни;

Птицы затихли в саду,

Рыбы уснули в пруду,

Мышка за печкою спит,

*Месяц в окошко глядит...
Глазки скорее сомкни,
Спи, моя радость, усни!
Усни, усни!*

КАРТИНА 6

(Маши сидит на кровати, близко от неё висит платье. Она разговаривает с ним, как будто репетируя свою речь, рядом висит зеркало, платье отражается в нём).

М а ш а *(обращаясь к платью)*. Ну, что же я ему сегодня скажу? Сегодня должна решиться и обо всём рассказать, о том, что думаю и к чему уже готова. С чего начать? Начну сразу без обиняков *(репетирует перед зеркалом)*. Знаешь, милый... А может, лучше всё же отложить на потом, на самый крайний случай, как ты думаешь? *(обращается к платью)*. Знаю, случай этот очень скоро наступит, ведь двадцать девятое октября скоро погаснет. Праздник куда-то испарится, как быстро однако! Не успела даже глазом моргнуть, а он уже прошёл, как будто этого дня и не было вовсе, как призрак. Шарманщик умер на закате дня, и льдины утонули в румяной воде, вокруг румяная вода... И хорошо, нужно, чтобы это завтра не наступало вовсе, чтоб всё погрузилось во тьму *(обращается к платью)*. Чтобы осталась только ты, да-да, одна ты. Красавица, всё та же, какой была раньше... Всё равно меня уже нет на свете, посмотри! *(показывает на себя)*. Разве это я? Это уже не я вовсе, это моя тень, тень той жен-

щины, которой я была когда-то давно. Разве такой я была? А теперь скоро, ну, сама понимаешь.

Молчишь, ну, что ты можешь на это мне ответить? Ровным счетом ничего. Знаешь, ведь это я научила его верить во все мои фантастические истории, никогда раньше он не верил им, не хотел слышать обо всём этом, в его голове была одна музыка, музыку я ведь тоже люблю.

В конце концов я должна ещё многое успеть, должна же я научить его летать. Как ты думаешь, это произойдёт когда-то? Прошу, не молчи, знаю, тоже думаешь об этом, хочешь этого. Мы с тобой вдвоём хотим одного и того же, так близки с тобой последнее время, неразлучны. Ведь правда? Сознаться! (*теребит платье*). Ну, что насупилась, надулась и как кукла непонятливая на меня уставилась? Прошу, не молчи, скажи хоть что-нибудь, мне так необходимы сейчас твои слова, я жду их, ну, вымолви хоть слово, только не молчи, я не вынесу этой тишины. Видишь, какая ты упрямая (*с обидой отворачивается*), но я на тебя не держу зла, не обижаюсь, видишь, совсем даже не сержусь.

Его рояль... наконец-то должен же он сыграть, пускай не для публики, а для меня одной. На целом свете только я и он, вокруг больше никого... Ведь правда, я обязана его как следует попросить? (*обращаясь к платью*). Сегодня надо ему ещё раз об этом напомнить, надо быть понастойчивее, иначе поздно будет, ты сама это знаешь.

Чувствую, это произойдёт именно сегодня, он сыграет, ес-

ли ещё меня любит, если ещё не разлюбил. Я имею право наконец принять решение, пусть кто-то сочтёт его и неразумным, наплевать мне на это с высокой горки.

Деревянный конёк, шарманщик, льдина... попрошу его сделать это. Да, никогда его так не просила, на душе у меня будет спокойно и легко. Что ты на меня так уставилась? Да, я такая... я настойчивая, раз решила, значит, так тому и быть. Когда была в этом платье, он меня любил (*разглаживает складочки на платье, вдруг настораживается*).

Но должна тебе, моя милая, сообщить (*решительно*), что скоро мне надо уезжать, вещи уже почти собраны (*складывает вещи, письма, которые лежат на её кровати*), я всё уложила. Но хочу, чтоб всё потом уничтожил яростный огонь, чтоб напоследок бушевало наше огненное чудо. Пусть всё уйдёт вместе с огнём (*указывает на платье*), так будет легче нам обоим (*смотрит на платье исподлобья*), и тебе и мне лучше будет, нам обоим, я и о тебе позабочусь, мы ж с тобой подруги не разлей вода. Не хмурься, это тебе не идёт, от этого появятся морщины, пусть всё идёт прахом, всё в жизни миг и суета. Я любопытная, хочу увидеть весь этот тлен собственными глазами.

Хотя и поднимаем руки вверх, стремимся ввысь, земля не душу нашу принимает, а лишь оболочку. Душа парит долго над землей, а потом летит наверх, туда (*показывает рукой наверх*) куда захочет. Но я так люблю его, любовь сильнее жизни, он – моё настоящее, будущее – это ведь тоже он

(*замирает на месте*). Вот мой последний довод любви, хочу погрузиться в серебристые облака, вокруг огромная безмолвная пещера. Ты видишь эти своды? (*озирается по сторонам*). Узкие бесконечные проходы, похожие на дома обледеневшие скалы, в них я вижу глубокие дыры, это пропасти. Ледяной ветер выдувает из-под ног снежную пыль. Слышишь? (*прислушивается*) В пыли, по скалам, по пещерам, потом по моему морю идёт мамонтейший мамонт. Да-да, знаю, это он, я слышу его ровную размеренную поступь (*прислушивается*).

Вот увидишь (*обращается к платью, прижимаясь к нему*) он должен зайти за мной. Вижу, ты вся дрожишь, не бойся, милая (*отстраняется от платья*), это совсем не страшно, если ты боишься, сама дождусь его, дальше отступать уже некуда. Ты – ангел с обожжённым крылом, ангел замыкает всё в кольцо, последним смотрит в глаза и отражается в них.

(*Маша поёт*).

*Ой, шли и пришли да три ангела,
Что взяли они? Душу, душу грешницу.
Ой, и что же ты, душа, мимо рая прошла,
Ой, чем же ты, душа, провинилась.
Посреди рая стоит дерево,
стоит дерево кипарисовое.
Как на том на дереве птички райские поют,
Голосочки у них серафимские.*

*Голосочки у них серафимские,
Да в песне они херувимские.
«Ой, в нашем в раю жизнь весела,
Жизнь весела, только некому...»*

КАРТИНА 7

(Звякнуло ведро. Март неуверенно стучит в дверь. Открывает сам хозяин – Обёртышев, в велюровом пиджаке, под горлом – шарфик, давно небритый).

Обёртышев. А, Мартин Мартиныч! Здравствуйте, здравствуйте. Что, за водичкой? Пожалуйста, проходите, не стесняйтесь, по-свойски. Как не помочь, ведь не чужие, соседи как-никак, тем более, это ничего не стоит, вода ведь общественная, бесплатная.

Март. Добрый вечер! Всего на минутку к вам заглянул.

Обёртышев. Ну что же, как вы, как жена себя чувствует?

Март. Да что, Алексей Иваныч, всё то же. Плохо... у неё завтра именины, а топить нечем.

Обёртышев. Мартин Мартиныч, а вы стульчики, шкафчики в ход пускайте, не стесняйтесь, а ещё креслице у вас видел отменное, можно и его в топку бросить, если не жаль, конечно, оно ведь как-никак дубовое, к тому же раритетное, резьба-с, ручная работа-с, вещь ценная. Пожалуй, я бы приобрёл, имейте в виду, если что, куплю-с, хотя сейчас не до мебели *(вздыхает)*.

М а р т. Да вы ж знаете. там вся мебель, всё – чужое, только рояль наш.

О б ё р т ы ш е в. А что книги ведь тоже можно, отлично горят. К чему они теперь? Книги ни к чему по нынешним-то временам.

М а р т. Книги? *(задумчиво)* Да, отлично, отлично,

О б ё р т ы ш е в. Так, так, так, жаль, прискорбно, прискорбно всё это! Жаль, ничем вам помочь не могу, не в силах, сами понимаете, сами бедствуем. А кто сейчас не бедствует? У всех нужда-с-с.

(На кухне слышна детская возня).

М а р т. Алексей Иваныч, а как ваши дети?

О б ё р т ы ш е в. Да что, дети есть дети, им всё нипочем, наелись, теперь резвятся. Это нам за них думать и решать, голову ломать приходится, кумекать, что да как *(раздаётся детский крик. «Чур не я». «Теперь ты прячешься». «Ага, в ту комнату не ходить»)*. Слышите? В прятки пострелята играть надумали.

М а р т. Да, слышу, играют *(задумчиво)* это хорошо, это радует.

О б ё р т ы ш е в *(ехидно улыбаясь)*. Вы тоже, помню, частенько играли, сейчас что-то совсем не слышать. Рояль-то свой не продали ещё?

М а р т. Не продал, просто некогда играть, нет времени... и желания.

О б ё р т ы ш е в. Понимаю, понимаю, недосуг, да и поку-

пателя сейчас вряд ли сыскать на такой товар. А когда-то вы ведь полные залы собирали, газеты о вас писали, нынче музыке не слушают, не в чести она, всё о прокорме думают, так сказать, о хлебе насущном. Да-с. Рояль мне не нужен, зачем он мне, а вот креслице взял бы, по-соседски, имейте в виду, знаю, надо помочь.

М а р т. Вы правы, музыка не нужна никому, нынче другие заботы, людям надо как-то выживать.

О б ё р т ы ш е в. Да, все стали материалистами. А знаете, для меня семья – главное, глаз не сомкну, в лепешку разобьюсь, чтоб только все были сыты, обуты и одеты и всего было в досталь. Как это так – чтоб дети голодали, не допущу ни в коем разе, это ведь святая родительская обязанность.

М а р т. Правильно, ради детей стараетесь, это уважения заслуживает.

О б ё р т ы ш е в. А что ещё нам остается в жизни? Это у вас никаких забот и хлопот, люди вы молодые, вольные. А мы семейные, по рукам-ногам повязаны, обязанностей много. А где права-то наши? Прав нет никаких.

М а р т. Грустно это, без прав.

О б ё р т ы ш е в. Одни тяготы, иной раз и ночью не спится, всё думаю, что б предпринять, где чем разжиться, что на что обменять, бывает, до рассвета глаз не сомкнёшь, всё прикидываю, сосчитываю.

М а р т (*рассеянно*). Да-да, семья, это хлопотно.

О б ё р т ы ш е в. Милуйтесь, пока молоды, воркуйте. Вы

вот, к примеру, весь в искусстве, всё музицируете, это нужно, правильно, музицируйте. Только вот, чтоб соседям не мешать, знаете ли... Ну, теперь никаких претензий не имеем, теперь нам не мешаете, у вас тихо, всё улеглось, слава богу.

М а р т (*мнётся*). Я хотел... Алексей Иваныч, нельзя ли у вас хоть пять-шесть поленьев.

О б ё р т ы ш е в. (*оскалив сточенные зубы*). Что вы, Мартин Мартиныч, что вы! (*отмахивается*). Вы меня обижаете, у нас ведь дети, двое, мал мала меньше, сами знаете – не могу же я их на произвол судьбы бросить. У самих конина – и то раз в день, то есть, что это я такое сказал, не подумав, раз в неделю её едим. Сами знаете, как теперь всё, какое нынче время. Нынче каждый за себя, хоть бы самим обогреться да прокормиться, кое-как до весны дотянуть.

М а р т. Алексей Иваныч...

О б ё р т ы ш е в. Ну, учудили, сударь! Вы меня прямо обижаете, у меня ведь семья, вы ведь знаете.

М а р т. Да на днях видел, когда вы свой шкаф на лестнице открыли, там полно дров.

О б ё р т ы ш е в. (*опешив*). Не стыдно, молодой человек, за чужим-то добром присматривать? Вчера были дровишки, а сегодня уж и нет, видать, все вышли. Нужда, сами знаете, закончились дрова, вчера ещё были, а сегодня уже нет, тютю, были и сплыли, так-то... о чём теперь речь вести в пустой след, не о чем.

М а р т. Нет, так нет, Алексей Иваныч...

О б ё р т ы ш е в (*нравоучительно*). А знаете, нехорошо ведь на чужое зариться, не стоит людям завидовать, это грех большой, про это в Библии написано. Читали небось про такое? Как не читали, ведь, знаю, непременно читали, вы ведь учёные люди.

М а р т. Учёные.

О б ё р т ы ш е в. Ишь что удумал, умник какой, шкафчик задумал мой проверять. Ревизию делать? Мало ли что у меня там, всё надежно закрыто, на замок, да, чик-чик – закрыто крепко-накрепко, а то ведь нынче и уворовать ненароком могут.

М а р т. Алексей Иванович... ну, на нет и суда нет.

О б ё р т ы ш е в. Что вы, Господь с вами! Зачем же вы меня так обижаете? Не обессудьте уж, пожалуйста. А своей супруге от меня привет передавайте, поклон. Какая она у вас красавица умница была, сожалею, приятно всегда на неё поглядеть было, породистая была женщина, статная, очень приятно было на неё посмотреть. Что ж привет ей от меня.

М а р т (*убито*). Была (*поднял ведро и быстро пошёл к выходу*).

О б ё р т ы ш е в. (*на ходу протягивая руку*). Ну, всего хорошего, извиняйте, если что не так, не обижайтесь, рад бы помочь, да нечем, сами бедствуем, понимаете ли, времечко такое.

М а р т. Извините, понимаю, понимаю, простите меня.

О б ё р т ы ш е в. Простить? За что же, голубчик? Толь-

ко, Мартин Мартиныч, дверь не забудьте прихлопнуть, как следует. Обе двери, обе, обе... не забудьте уж, а то не натопишься, никаких дров не хватит улицу обогревать, времечко тяжёлое настало.

(В темноте Март поставил ведро, оно звякнуло. Он обернулся, плотно прихлопнул первую дверь, прислушался. В узкой клетке между двух дверей Март протянул руку, нащупал полено, запустил руку в дрова).

М а р т *(прижался к стене)*. Р-р-р-аз, два, т-р-р-и четырёх-р-е... *(стал заталкивать поленья под пальто, за пояс, в ведро)*. Хватит, довольно *(хлопнула дверь, он вышел на площадку, притворил дверь)*. Я пещерный человек, превратился в зверя... спокойно, ведь скоро Машино завтра.

(Слышится голос Обёртышева. «Кто там? Кто там?»)

М а р т. Это я, Алексей Иваныч... Я... я дверь забыл, хотел... вернулся, чтоб поплотней её прижать, чтоб не дуло и тепло не выходило, комнату чтоб не выстудить.

Г о л о с О б ё р т ы ш е в а. Вы? Гм... как же это вы так? Я ж вас предупреждал. Какой же вы неловкий однако, все музыканты такие, нерасторопные неприспособленные люди. Аккуратнее, теперь все крадут, одни беспорядки вокруг, сами знаете, сами все видите, аккуратнее надо.

М а р т. Знаю, знаю...

Г о л о с О б ё р т ы ш е в а. Как же это вы так? Ведь холод из двери идёт, никаких дров не хватит, если дверь как следует не закрывать, перво-наперво двери следует закрывать.

Мартин Мартиныч, поплотнее, пожалуйста.

(Март плотно закрывает за собой дверь и уходит).

Действие второе

КАРТИНА 8

(День второй. Двадцать девятое. На дворе немного распогодилось. Печка весело гудит, полыхает огонь. На платье сверкают и искрятся огненные красные блики. Маша встала, покачиваясь, причесывается перед зеркалом).

М а р т *(влюблённо глядя на Машу)*. Видишь, всё случилось так, как мы мечтали.

М а ш а. Пещерный бог с утра набил своё брюхо, милости-во загудел. Смотри, кажется, он пожирает наши с тобой жёлтые, белые и голубые слова, в огне пляшут чистые и нечистые твари.

М а р т. Смотри-ка, причесалась как раньше – на уши, а посередине пробор сделала, ты у меня молодец, умница! *(подходит к Маше, поддерживает её)*. Поздравляю тебя, вернее, нас с этим днём *(целует в щёку)*.

М а ш а *(неуверенно идя по комнате)*. Да, всё хорошо, только вот печёт что-то внутри, качает из стороны в сторону какой-то невидимый ветер, и оно тоже, видишь, колышется на ветру *(показывает на платье, которое колышется)*.

М а р т. Какой ветер? *(бросаясь к двери)*. Я же дверь плотно

закрыл, даже на всякий случай крючок накинул.

М а ш а. Не обращай на меня внимания, всё нормально, это скоро пройдёт, главное, что я наконец-то встала с кровати.

М а р т (*подставляя ей стул*). Не спеши, присядь, не надо так резко (*Маша садится*). Всё у нас будет хорошо, по-прежнему, жизнь войдёт в своё русло.

М а ш а. Сколько поленьев бросил в топку? Можешь не говорить, знаю (*зачёркивает на стене цифру три*).

(*Март смотрит на стену невидящим взглядом. Достает из ящика бумаги, письма, термометр и синий флакончик. Чтобы Маша не заметила, сует его обратно, отыскав коробку с чаем*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.